

ОРЛОВСКАЯ
СТАРИНА

к 63.3(2)
П 53

Александр Молькин

Трустен и весел
вхожу...

CP

В 909 Судно тех
из. Букино -
не годится к использованию

от автора

20.07.09

К 63.3(2)
П 53

Серия «Орловская старина»

Александр Полынкин

***Грустен
и весел вхожу...***

А 259778

КР-2017

Издатель Александр Воробьёв
Орел • 2009

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Рос)
П 53

П 53 Польшинкин, А. М.

Грустен и весел вхожу... / А. М. Польшинкин, – Орел: Издатель Александр Воробьев, 2009. – 116 с.
(Серия «Орловская старина»)

Книга покровского краеведа Александра Польшинкина «Грустен и весел вхожу» – вторая в серии «Орловская старина».

В ней – очерки о людях, которые оставили заметный след в истории – как родного автору Покровского района, так и всей Орловщины в целом. А для того, чтобы рассказы эти получились полнокровными и живыми, автору пришлось не один год работать в орловских архивах, пройти не одну сотню километров по тёплым орловским дорогам и встретиться не с одним десятком наших замечательных земляков.

Пройди и ты, читатель, вместе с автором по страницам его документально-художественных произведений. Они не оставят равнодушным того, кто любит и ценит родной Орловский край.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2Рос)

© Польшинкин А. М., 2009
© Издатель Александр Воробьев, 2009

5-ГР-И-ПО-09

Первые жители нашего края

Где только о нас не пишут, - захотелось сказать мне после знакомства с историческим исследованием доктора исторических наук Михаила Мацука «Город Ливны и Ливенский уезд в 1615-1616 году».

Не было бы ничего удивительного, если бы этот небольшой трёхтомник опубликовал историк - орловчанин, на худой конец - исследователь из столицы или соседнего областного центра, но книга вышла из печати в столице республики Коми – Сыктывкаре!

Любого ливенца, а, заодно, и покровчанина (наш край ведь в XVII веке входил в состав Ливенского уезда) должно охватить законное чувство гордости: вот где о нас знают и даже книги издают.

Михаил Мацук первым из российских историков детально изучил Писцовую Дозорную книгу Ливенского уезда 1615-1616 года, проанализировал её и в своём исследовании дал подробнейшую характеристику территории, населению, землевладению и освоению территории Ливенского уезда в этот период.

Его книга позволила нам расширить наши знания по истории Покровского края в самом начале XVII века.

Административно наши земли входили тогда в состав одного из четырёх станов Ливенского уезда - Затрудского (или Затруцкого, по названию реки Труды), располагавшегося к востоку от Ливен, за рекой Труды (напомню, на всякий случай, что стан - это административно - территориальная единица, на которые делился уезд - А.П.).

Территория стана предоставляла прекрасные возможности для занятия земледелием (чернозёмная почва, достаточное количество влаги, тёплый климат), животноводством (обилие травы в низинных местах и по берегам рек, ручьёв и речек), охотой и собирательством грибов, ягод, орехов, дикого мёда, хмеля для варки пива, рыболовством (обилие рыбы в реках и речках).

Имелось в Затрудском стане несколько лесных массивов - леса Большой и Меньший Дросковы, Большой Никольский, Ястребцовский и другие.

Именно «...плодородные почвы, тучные пастбища, обилие воды, леса, богатые пушным зверем, и разнообразная дичь - всё это делало бассейн Быстрой Сосны одним из прекраснейших уголков обширной страны, известной впоследствии, как Россия», - так охарактеризовал природные условия нашего края в те времена краевед Г.Я. Пясецкий. Однако он же и отметил основные недостатки территории: через неё проходили многочисленные пути набега крымских татар, которые «теснясь и вытесняя друг друга, не могли оставить после себя культурное наследие».

Для защиты от их нападений в 1586 году была создана крепость Ливны, а чуть позже возник и Ливенский уезд.

Вследствие постоянной военной опасности населённые пункты Ливенского уезда и Затрудского стана, в частности, создавались группами - в бассейнах малых рек и речек, а остальные пространства практически не заселялись.

В 1615-1616 годах первые населённые пункты нашего края находились в бассейне двух ручьёв - Полевого Дроскова и Лесного Дроскова (напомню, что в XVII веке ручьи именовались колодезями - А.П.) и было их очень мало: одно сельцо, одиннадцать деревень и четыре починка.

Повторю слова историка Н.И.Костомарова о разнице между этими поселениями: «Село и сельцо имели церковь, но обычно село было побольше, деревни - поселения без церквей, починки - маленькие деревушки, недавно заселённые.»

В XVII веке существовали и другие виды населённых пунктов, но я скажу лишь о займище, потому что дальше речь пойдёт об одном из них. Итак, «займище- поселение, имевшее, как правило, один двор на недавно заселённой земле».

А теперь мы назовём поселения нашего края по именам, как они перечислены в Писцовой Дозорной книге г. Ливен и Ливенского уезда.

Под №1, конечно же, значится сельцо Архангельское, что было займище, под Дросковым лесом, на Брусовом верху (именно так именовалось достаточно долго будущее село Дросково, а из уточнения - «сельцо, что было займище», становится понятным, что возникло оно буквально за год - два до составления Писцовой Дозорной книги- А.П.).

Из одиннадцати деревень, располагавшихся в районе Большого и Меньшего Дросковых лесов и протекавших здесь Лесного и Полевого Дросковых колодезей, три деревни ещё не имели назва-

ния (то есть появились они только что - А.П.), хотя одна из этих трёх по понятиям XVII века была большой (пять поместий, восемь дворов крестьян и шесть дворов бобылей).

Остальные восемь деревень мы перечислим: Башкатова, Драчёва, Морозова, Муратова, Погонева, Сетенева, Харечкова, Шварева. Самой большой была деревня Сетенева: в ней имелись четыре поместья и семь дворов крестьян.

Из восьми этих населённых пунктов шесть существуют и до сих пор (правда, Харечкова превратилась в Харчикову - А.П.). Деревня Драчева исчезла в 1963-ем году, став составной частью деревни Грачевка Ивановского сельского поселения. А вот деревня Шварева растворилась во времени, и в списке селений Малоархангельского уезда её нет уже в XIX веке.

Три починка из четырёх названия не имели, но у четвёртого оно было двойным: Ивановский починок Гранкина под Меньшим под Дросковым лесом, на Полевом Дроскове колодезе.

Кто же проживал в этих населённых пунктах?

Вообще в Ливенском уезде в 1615-1616-ом году жило несколько категорий населения: служилые люди по отчеству (дети боярские), служилые люди по прибору (стрельцы, казаки, пушкари, затинщики, воротники, ямщики), духовенство белое и чёрное (священно- и церковнослужители и монашествующие), крестьяне и бобыли помещицы и монастырские.

В Затрудском стане имелись не все из перечисленных групп. Самой многочисленной была категория служилых людей по отчеству или детей боярских. Они испомещались правительством на свободных землях и проживали в селах, сельцах, деревнях и починках. От слов «испомещались» или «помещались» эти служилые люди назывались также помещиками. Последнее название постепенно вытеснило два первых.

Всего в Затрудском стане в 1615-1616-ом годах проживало 166 помещиков, 9 вдов и 52 недоросля (несовершеннолетние сыновья помещиков - А.П.). В основном, дети боярские жили там же, где находились их поместья и имели обычно по одному двору. Лишь у 14 помещиков Затрудского стана было по два двора.

Далеко не у всех помещиков имелись крестьянские или бобыльские дворы. Только в 40 поместьях было 76 дворов крестьянских и 12 - бобыльских (всего - 88). В среднем, на одно помещицье поместье приходилось чуть более двух крестьянских или бобыльских дворов.

Получается, что большинство помещиков, не имея крестьян, должны были сами пахать и сеять или - их земли не обрабатывались вообще. Жившие в Загрудском стане дети боярские представляли собой служилую мелкоту и похожи были скорее на вооружённых крестьян, нежели на дворян. Они сочетали крестьянский труд с участием в боевых действиях, и именно эти люди позволили закрепить за Россией плодородные земли Дикого Поля, а их имена, как первопоселенцев, навечно сохранились в названиях сёл и деревень нашего края.

Из восьми деревень, первыми возникших в начале XVII века, все восемь получили имена первых помещиков. Башкатовы, Драчевы, Морозовы, Муратовы, Харчиковы и по сей день – одни из самых распространённых фамилий в Покровском районе. Погоневых, Сетeneвых, Шворевых, кажется, с течением времени не осталось, но, возможно, они благополучно живут в соседних районах.

Священнослужителей в 1615-ом году в нашем крае имелось только два человека: поп Семен и пономарь Иван, служившие в церкви Архангела Михаила в сельце Архангельском (Дросково). Маленькая деревянная церковь в этом сельце была выстроена на средства самого попа Семена, который приобрёл для служб также образ, свечи и церковные книги. Жили поп и пономарь в домике рядом с церковью. Кроме них, в населённом пункте проживали шесть помещиков, у одного из которых имелось здесь поместье, но он тут не жил (на всех помещиков за службу было выделено 1185 четей земли в трёх полях и 810 копен сена).

Вот имена этих помещиков, названные в Дозорной Писцовой книге по г. Ливнам и Ливенскому уезду: *Иван Иванов сын Мальцов, Максим Юрьев сын Легостаев, Логин Яковлев сын Легостаев, Богдан Савельев сын Росляков, Василий Богданов сын Кудинов, Фёдор Осипов сын Легостаев*. К помещикам можно было отнести и проживавшую в сельце вдову *Варвару Григорьеву жену Гревцеву и её сына Ивашку*.

Крестьян и бобылей в сельце Архангельском не имелось.

В деревне Драчёвой - под Большим Дросковым лесом, на Лесном Дроскове колодезе проживали:

помещики - *Иван Ондрисов сын Драчёв; Василий Васильев сын Михайлов; Тимошка Степанов сын Михайлов; Богдан Архипов сын Бежин; Мартюшка Архипов сын Бежин; Борис Гаврилов сын Солодилов; Максимка Павлов сын Лубеников; Захар и Макар Микитины дети Шалимовы;*

крестьянин *Сенька Мануилов;*

бобыли *Ивашка Васильев* и *Пронька Григорьев*.

Всего в Драчёвой, таким образом, проживали - девять семей помещиков, одна крестьянская и две семьи бобылей.

В деревне Харечковой (именно так – Харечковой - А.П.), на Лесном Дроскове колодезе, под Большим Дросковым лесом жили:

помещики - *Фрол Дмитриев сын Харечков; Ерёмка и Петрушка Семёновы дети Шалимовы; Тимофей и Прокофий Ивановы дети Борзенковы; Андрей Кондратов сын Харечков; Семен Иванов сын Харечков*.

Крестьян и бобылей в Харечковой не имелось вообще.

В деревне Башкатовой, под Большим Дросковым лесом, на Лесном Дроскове колодезе проживали:

помещик *Терех Игнатов сын Башкатов; Наталья Терехова жена Башкатова; её сын Микифарка и дочь Овдотыца; помещик Иван Степанов сын Извеков; крестьяне Петрушка Степанов и Захарка Чмутов*.

В деревне Муратовой, под Меньшим Дросковым лесом, жили семеро помещиков:

Дементий Большой Лаврентьев сын Логовчин, Дементий Меньший Лаврентьев сын Логовчин, Микифор Олексеев сын Муратов, Омельян Иванов сын Муратов, Третьяк Фёдоров сын Черныков. Помещичья вдова Степанида Фёдорова жена Муратова и сын её Радко.

В деревне Сетеневой, на Полевом Дроскове колодезе, под Меньшим Дросковым лесом проживали:

помещики - *Богдан Антонов сын Хребтов, Клемен Федоров сын Легонов, Кари и Евтюшко Федоровы дети Легоновы, Богдашка Романов сын Теряев, Михалка Герасимов сын Меркулов, Микифор Микитин сын Булавин, Купря Изотов сын Харитонов, Перфирко Федоров сын Харитонов, Радко Иванов сын Харитонов, Фирс Григорьев сын Васютин, Тимошка и Петрушка Алексеевы дети Енины, Михалко Панкратов сын Калинин, Матвей Евтехов сын Суханов (15 помещичьих семей);*

крестьяне - *Фомка Сидоров, Омельяно Федоров, Богдашка Федоров, Тимошка Клименов, Филимонка Аннанин, Сенька Пантелев, Куприк Тонков (семь семей)*.

Перечислив достаточно подробно состав населения отдельных населенных пунктов, подведем итоги, характеризующие население нашего края в начале XVII века. Итак, в 16-и селениях (одном сельце, одиннадцати деревнях и четырёх починках) проживали один поп,

один пономарь, сто помещичьих семей (включая помещичьих вдов), двадцать две крестьянских и семь семей бобылей. Как ни странно, помещиков, т.е. владельцев земельных участков, выделенных за государеву службу, было в три с лишним раза больше, чем крестьян и бобылей. В те годы помещики сами чаще всего сами обрабатывали землю, а с течением времени такие владельцы - однодворцы превратились в государственных крестьян.

Самым большим из названных 16-и населённых пунктов являлась деревня Сетенева, в которой проживало 15 помещичьих и 7 крестьянских семей.

Многие из имён первопоселенцев нашего края благополучно дожили до современности. Башкатовы, Енины, Ефремовы, Драчевы, Легостаевы, Леоновы, Мальцевы, Муратовы, Морозовы, Павловы, Теряевы, Тучковы, Филатовы, Черниковы и по сей день населяют сёла и деревни дросковской зоны Покровского района, порой и не догадываясь о том, какие древние корни у их фамилий.

Ливенская Писцовая Дозорная книги позволила уточнить один исторический факт. Судя по всему, починок Ворово сначала возник на реке Липовец, а потом из-за нападений и грабежа крымских татар он исчез и возродился спустя некоторое время уже в нескольких километрах от месторасположения первого - там, где село Берёзовка (Ворово) и находится сейчас.

В начале XVII века нападения крымцев на окраинные русские поселения были обычным делом, и по поводу починка Ворово Дозорная книга сообщала:

«Пустошь, что был починок Ворово на колодезе на Липовце, запустела во 121 году (в 1613) от татарской войны. А по скаске сторонних людей в той пустоши было помещиков (детей боярских) 9 человек: Федор и Василий Максимовы дети Воробы, Потап и Третьяк Омеляновы дети Звегинцевы, Семен Максимов сын Дурасов, Илья Васильев сын Медведев, Илья Иванов сын Быканов, Микита Калугин, Томило Савенок. Тех детей боярских во 121 году поймали татарове с женами и детьми».

Но время шло, и постепенно – за первыми 16-ю населёнными пунктами нашего края - появлялись и другие. Число их неуклонно росло и к середине XIX века превысило полторы сотни.

Борис Орловский и его Ангел

30 августа 1834 года на Неве выстроились фрегаты, яхты и пароходы, на прилегающих к Дворцовой площади улицах «стояла в ружье стотысячная армия». В девять часов утра вся площадь колонны окружена была бесчисленными толпами народа. После молебствования красная шелковая завеса, скрывавшая монументальное подножие памятника, и золотые двуглавые орлы, поддерживавшие ее, «поверглись перед колонной». Прогремел салют из 248 орудий. Пальба продолжалась 65 минут. Последним аккордом торжества стал церемониальный марш

русского войска. Около трех часов «пехота проходила в сомкнутых полковых колоннах, кавалерия – в полковых эскадронных колоннах, а артиллерия – отделениями по 16 орудий».

С таким торжеством был открыт в Петербурге монумент Александру I «Благословенному» – Александровская колонна. Она должна была утверждать незыблемость самодержавия, но уже в представлении современников и тем более последующих поколений стала памятником героизму и патриотизму русского народа, монументом Отечественной войны 1812 года.

Александровский столп, как назвал его Александр Сергеевич Пушкин, был возведен по проекту архитектора Монферрана, а вот на

Борис Орловский в мастерской Торвальдсена

вершине его, днем – в блеске солнца, ночью – в свете луны стал сиять Крестоносный ангел – «высоко стоящий, единственный», сильный, вставший под Петербургом, как бы обещающая России долгий мир и покой после кровопролитной войны – ангел Бориса Орловского!

Скульптор работал над фигурой ангела около трех лет, и за это время он вылепил 14 вариантов статуи в «малом и большом видах»¹⁰ - титаническая работа, не знающая аналогов в истории русского скульптурного искусства!

Император Николай I наградил почти всех чиновников и должностных лиц, имевших хоть какое-то отношение к постройке Александровской колонны, особо отметив Монферрана (орден Святого Владимира 3-й степени, пожизненный ежегодный пенсион в 5 тысяч рублей и 100 тысяч единовременного пособия), а вот автор «Крестоносного» ангела не получил ничего. Вероятно, царь посчитал, что ему достаточно ордена Святой Анны 3-й степени, врученного скульптору четырьмя месяцами ранее.

Один из величайших русских скульпторов Борис Иванович Орловский родился в конце XVIII века в семье крепостных крестьян Смирновых, принадлежавших помещице Мацневой, и проданных ею в 1801 году тульскому помещику Василию Шатилову.

С датой и местом его рождения долгое время были неясности.

Что касается места, то путаница здесь произошла из-за менявшегося несколько раз в XVIII-XIX веках административного деления Орловщины. Вот и получилось, что один и тот же населенный пункт – село Большое Столбецкое (или просто Столбецкое), в котором родился Борис Смирнов, значился то в Малоархангельском, то во Мценском уезде. Мценские краеведы до сих пор считают скульптора своим земляком, хотя уже более 70 лет его родина находится в составе Покровского района и является центром одноименной сельской администрации (кстати, часть села Столбецкого в 40-ые годы XIX века принадлежала матери И.С.Тургенева, а после её смерти перешла к брату писателя - Н.С.Тургеневу – А.П.)

По дате рождения выдающегося скульптора история еще запутаннее.

В 1947 году в издательстве «Искусство» вышла первая научная биография Б.И. Орловского. Ее автор, А.Г. Ромм, датой рождения скульптора назвал 1793 год.

В том же издательстве пятнадцать лет спустя, в 1962 году, Я.И. Шурыгин опубликовал новую книгу, посвященную нашему земляку, где утверждал, что Орловский родился в 1792 году.

В третьем издании Большой Советской энциклопедии (т.18, 1974 год), в Советском энциклопедическом словаре (1988г.) и Большом энциклопедическом словаре (2001г.) в статьях о скульпторе датой его появления на свет назван 1796 год.

В последней по времени выхода из печати монографии Г.Г. Таракановского («Скульптор Б.И. Орловский», Тула, 1986г.) автор заявляет: «Среди родившихся в 1797 году значилось и имя Бориса Ивановича Орловского».

Эта же дата (1797) приведена в статьях о скульпторе в краеведческом издании «История Орловского края» (ч. 1. Орел, 2004 г., с. 269) и в книге «Покровский край» (Орел, 2001, с. 239).

Откуда такой разницей в датах? Вывод однозначен: у всех авторов книг и статей о Борисе Орловском не было под рукой первоисточника – «Метрической книги Владимирской церкви села Столбецкое», поскольку за данный период она не сохранилась, и каждый автор использовал только косвенные данные.

В книге «Покровский край» мы с В.М. Катановым придерживались также той точки зрения, что именно 1797 год является настоящей датой рождения Бориса Орловского. Но, поскольку наше мнение было лишь одним из многих, я попытался найти этому документальное подтверждение в Государственном Архиве Орловской области.

Раз нет «Метрических книг» за 1790-е годы по Владимирской церкви села Столбецкое, решил я, то можно пойти более сложным путем – изучив «Ревизские сказки» (переписи населения России) за соответствующие периоды.

Мне повезло достаточно быстро. В огромном томе «Ревизских сказок» по Малоархангельскому уезду за 1811 год (6-я перепись) /фонд 760, оп.1, д. 378/, я нашел на листе 109 следующую запись: *«1811 года...дня, Орловской губернии, Малоархангельского уезда, села Большого Столбецкого, помещицы вдовы, майорши Натальи, Михайловой дочери, Мацневой, о состоящих мужеска пола дворовых людях и крестьянах...».*

Далее шел перечень принадлежавших помещице крепостных людей. Крестьян (мужского пола) в селе Большом Столбецком, деревне Вышней Столбецкой, деревне Козловой и селце Толстом оказалось 550 душ, а дворовых людей в селе Большое Столбецкое проживало 12 человек.

Из этих двенадцати семеро составляли семью Смирновых: глава семейства – Борис, Никифоров сын, Смирнов, его дети – Иван, Михайла и Алексей, Ивановы дети – Николай и Борис, Борисов внук – Алексей.

Жаль, конечно, что в этой записи отсутствуют женские имена, но зато здесь названы «лета» каждого по последней, пятой, переписи, которая проводилась в 1795-м году.

Главе семейства, Борису Никифоровичу Смирнову, в 1795-м году исполнился 61 год, сыновьям Ивану, Михайлу и Алексею – 37, 27 и 21 соответственно.

Среди детей Ивана Борисовича Смирнова названы два сына – Николай (ему 6 лет на период 5-й переписи) и Борис, которому в 1795 году исполнилось 4 года.

Данная запись позволяет сделать вывод, что великий русский скульптор родился в 1791 году, то есть, все другие, вышеупомянутые, даты неверны, и Борис Орловский несколько старше, чем мы думали до сих пор.

А теперь, после рассказа о небольшом научном открытии по дате рождения выдающегося скульптора, перейдём к описанию его дальнейшей жизни.

Мальчик рано проявил способности «к леплению из глины», что натолкнуло братьев - помещиков Ивана и Николая Шатиловых (они стали владельцами сел Моховое и Паньково после смерти отца) на идею отдать своего крепостного «учиться рубить из мрамора», и вскоре он оказался в Москве в мастерской известного торговца мраморами Кампиони.

За 12 лет занятий резьбой по мрамору Борис Орловский (место прежнего жительства превратилось в его официальную фамилию)

стал лучшим мастеровым – мраморщиком и, чтобы освободиться от крепостной зависимости, «поднес государю императору бюст его, сделанный с отличным искусством».

Помещик Шатилов, в ответ на просьбу президента Академии Художеств отпустить на волю талантливого мастерового, согласился сделать это за 3000 рублей – и эту сумму ему заплатили немедленно.

Так в 30 лет началась для Бориса Орловского вторая половина его жизни – короткая, наполненная учебой и работой жизнь свободного человека. Он учился: по индивидуальному плану – в Академии Художеств, шесть лет – у скульптора Торвальдсена в Италии, и уже в первых самостоятельных работах – «Парисе» и «Фавне, играющем на скрипке» в полной мере проявил свой талант.

Скульптурная фигура гренадера Карпа Варламова, созданная Орловским, настолько понравилась Николаю I, что тот установил одну статую в своих личных апартаментах, а второй экземпляр отослал своему тестю – прусскому королю Фридриху – Вильгельму.

Вершиной же творчества Бориса Ивановича Орловского стали фигура ангела на Александровской колонне (о ней мы сказали в самом начале) и памятники выдающимся русским полководцам Кутузову и Барклаю – де – Толли.

25 декабря 1837 года, после молебна, по первому пушечному выстрелу, прогремевшему с бастиона Петропавловской крепости, на площади перед Казанским собором были торжественно открыты монументы фельдмаршалу князю Кутузову – Смоленскому и фельдмаршалу князю Барклаю – де – Толли, однако сам скульптор торжества не дождался: он умер за девять дней до этого «после кратковременной сильной воспалительной болезни еще на самой поро лет».

Усилиями Е.С. Орловской, его вдовы, потерявшей мужа в первый же год их совместной жизни, над могилой «гиганта русского резца» был установлен памятник, а в конце 30-ых годов XIX века останки Бориса Ивановича Орловского перенесли в Некрополь Александровской Лавры – пантеон деятелей культуры последних столетий.

Мемориальный памятник на могиле Орловского, решенный только архитектурными средствами, без участия скульптуры, хорошо выразил тему вечности и покоя:

Борис Иванович Орловский,
Профессор Скульптуры Императорской
Академии Художеств, скончался
16 декабря 1837 года...

Свой памятник скульптору оставил и Александр Сергеевич Пушкин, побывавший в 1836 году в его мастерской и написавший 10 строчек «Художнику»:

*«Грустен и весел вхожу, ваятель,
в твою мастерскую:
Гипсу ты мысли даешь, мрамор
послушен тебе...»*

Да, мрамор всегда был послушен нашему земляку, лишь время ему не подчинялось: 46 лет жизни - это очень мало.

Но теперь уж и время не властно над творениями великого скульптора Бориса Ивановича Орловского – они, спустя 170 лет, до сих пор рядом с нами.

Кто видел многосерийный телефильм «Падение империи», наверняка вспомнит, как Крестоносный ангел со своей 50-метровой высоты наблюдал за 100-тысячной толпой петербуржцев, рухнувшей на колени перед Императором в день объявления I Мировой войны.

А потом ангел увидел события Февральской и Октябрьской революций, следил за гибнущими от голода в дни блокады ленинградцами, радовался 27 января 1944 года завершению операции «Искра».

Ангел Бориса Орловского рано увел его из жизни земной, но этот, на Александрийском столпе, в самом центре Санкт-Петербурга, всегда будет напоминать нам, покровчанам, о замечательном земляке. А с недавних пор о Борисе Орловском будет напоминать и улица, названная его именем – одна из трёх, появившихся в конце 2008 года в новом микрорайоне посёлка Покровское.

Мне всегда казалось невероятно странным, что имя Бориса Ивановича Орловского (вдумайтесь, Орловского!) никак не было представлено в орловских музеях. Орловского – и нет в орловских музеях, не парадокс ли? Не было в Орле и улицы его имени.

Теперь такая улица есть. У нас, - в Покровском районе, на родине выдающегося русского скульптора.

Мухортовы (несколько фактов из жизни одного помещичьего семейства)

29 октября 1854 года Иван Сергеевич Тургенев пишет письмо Николаю Алексеевичу Некрасову, в котором спрашивает: женился ли Захар Николаевич Мухортов?

Если один великий писатель задает вопрос другому великому писателю в отношении третьего лица, значит, этот персонаж достоин внимания знаменитых личностей.

В примечаниях к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева сказано, что Захар Николаевич Мухортов – знакомый Тургенева, вице-президент Вольного экономического общества, гофмейстер двора, владелец имения в Орловской губернии.

Иван Сергеевич очень ценил Мухортова как экономиста и хозяйственника и когда с начала 70-ых годов XIX века начал подумывать об аренде или продаже своих имений, чтобы улучшить экономическое положение, то уповал на помощь и советы опытных соседей – И.Ф. Кутлера и, конечно, Э.Н. Мухортова.

Когда же Тургенев в 1875-ом году начал практическую реализацию этих планов, то свое имение Топки он предложил взять в аренду опять – таки Захару Николаевичу. Сделка не состоялась, но на хороших отношениях писателя и вице-президента Вольного экономического общества это никак не сказалось – тем более, что уже в следующем году Мухортов скоростижно скончался.

Хорошо знал писатель и Александру Николаевну Мухортову (Юханцеву - в девичестве), с которой регулярно общался и в Санкт-Петербурге, и за границей, в Париже. В одном из писем Тургенев называет ее «приятельницей». Иван Сергеевич и Александра Николаевна приезжали друг к другу на чай и теплую беседу.

Особенно сблизились Тургенев и Мухортова в последние годы жизни писателя. В письме М.М. Стасюлевичу от 8(20) декабря 1882 года из Парижа Иван Сергеевич просит его передать отписки «Стихотворений в прозе» пяти адресатам, в том числе и Александре Николаевне.

Судя по всему, была в эти годы и переписка между Тургеневым и А.Н. Мухортовой. Доказательством этому служит письмо Ж.А. Полонской, в котором она сообщала писателю: «Мой муж был у Александры Николаевны Грот, бывшей Мухортовой, и слышал от нее, что будто бы Вы писали ей, что хотите вернуться навсегда в свое Отечество – честь Вам и слава, если это правда, а не просто фраза из желания помазать по губам».

Имения Тургенева и Мухортовых в Малоархангельском уезде Орловской губернии находились по соседству. От Федоровки, принадлежавшей Мухортовым, до Топков всего 12 верст.

В августе 1878 и в августе 1881 года (в свой последний приезд в Россию) страстный охотник Тургенев приезжал поохотиться именно в мухортовское имение, в котором в это время проживали сама Александра Николаевна и два ее сына – Николай и Захар, не меньше писателя уважавшие одно из любимых помещичьих занятий.

Шуточное упоминание о первой из этих охот содержится в письме А.А. Фету, которому из Буживаля 30 сентября (12 октября) 1878 года Тургенев сообщал: «В течение последних двух лет я убил всего одну галку, и то не здесь, а в России, в Малоархангельском уезде, в имении госпожи Мухортовой, у которой я гостил».

Пожалуй, именно этими сведениями и ограничиваются те знания о Мухортовых, которые мы могли бы почерпнуть из писем самого Ивана Сергеевича или литературы о нем.

Нам неизвестны произведения Тургенева, в которых отразилась бы в том или ином виде биография Захара Мухортова или кого-либо из членов его семьи.

Однако я думаю, что судьба Захара Николаевича, его жены и детей (впрочем, и истории их рода) достойна была такого отражения. Впрочем, я не литературовед, а краевед, и мой материал - о семье, имевшей какое-то отношение к великому русскому писателю.

Согласно ливенским писцовым (Приправочной и Переписной) книгам XVII века служилые люди Мухортовы были в числе пионеров, колонизаторов и пахарей этого, тогда пограничного с «диким полем», края.

Государство за пограничную службу и за освоение безлюдных ранее мест наделяло первых помещиков земельными владениями, очень небольшими вначале и чаще всего без крепостных крестьян.

Получили такие участки и Мухортовы.

После образования Орловской губернии и появления нового уездного деления мухортовские владения оказались в Малоархангельском уезде. Так, согласно «Сказкам 4-ой ревизии о помещичьих крестьянах Малоархангельского уезда» (это 1782-ой год) у подпоручика Ивана Мухортова и секунд-майора Федора Мухортова они имелись в селе Вязоватое.

Шло время, дворянский род Мухортовых ветвился и рос численно. Найденные мною в Государственном Архиве Орловской области сведения позволяют многое уточнить в родословии З.Н. Мухортова.

Федор Яковлевич, его прадед, секунд-майор, владелец имения в селе Вязоватое, имел трех сыновей – Василия, Николая и Акима.

В 1801 году все они, представив соответствующие доказательства, были внесены в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии, в 6 часть.

У мценского помещика Василия Федоровича Мухортова (деда Захара Николаевича), дослужившегося до полковника, имелся только один сын – Николай (других детей обнаружить пока не удалось).

Николаю Васильевичу Мухортову и его жене Аграфене Николаевне принадлежали село Федоровка и соседняя с ним деревня Николаевка. Земля их, общей площадью более тысячи десятин, располагалась в двух участках, рядом с населенными пунктами.

Неподалеку, в селах Никольском и Липовце, имели владения их родственники – братья Евграф Акимович и Федор Акимович Мухортовы.

Какие-либо подробности хозяйственной деятельности Н.В. Мухортова и его жены мне выяснить, пока, не удалось. Но в «Орловских губернских новостях» за 1852-1854 г.г. я нашел сообщение о конских бегах на призы Орловского ипподрома, где Николай Васильевич и Аграфена Николаевна упомянуты несколько раз как владельцы лошадей (собственного завода), которые безуспешно участвовали в этих первых в Орловской губернии спортивных соревнованиях.

Согласно записи от 5 мая 1827 года в «Алфавитных журналах и протоколах Орловского дворянского депутатского собрания, у малоархангельского помещика, отставного гвардии штабс-ротмистра Николая Васильевича Мухортова и его жены Аграфены Николаевны было четверо детей – два сына (Захарий и Павел) и две дочери (Наталья и Александра).

Старший сын Захарий (или Захария – именно так называли его во всех официальных документах) родился «8 августа 1820 года, в

А 259778¹⁷

ОРЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. И.А. Бунина

сельце Федоровке Малоархангельского уезда и крещен в приходской церкви того же уезда села Никольского, Кунач тож», восприемниками были майор Дмитрий Николаевич Чернышов и поручица Авдотья Сергеевна Мухортова.

Таким образом, найденная официальная запись позволяет восполнить один из главных пробелов в биографии знакомого Тургенева – отсутствие даты рождения З.Н. Мухортова во всех справочных сведениях о нем.

Кстати, благодаря прошению его отца в Орловское Дворянское Собрание можно (по косвенным данным) установить, что Н.В. и А.Н. Мухортовы жили периодически то в своем Федоровском имении, то в Москве, потому что именно там родились и были крещены двое из четверых детей – Павел и Александра.

Кроме того, знакомыми родителей Захария Николаевича были довольно знатные люди – генерал-лейтенант Алексей Васильевич Гвоздев и надворная советница Олимпиада Николаевна Мясоедова (они крестили Павла и Александра).

Наследником имения в Федоровке и Николаевке (Малоархангельского уезда) после смерти Николая Васильевича стал его старший сын – Захарий Николаевич.

Канцелярия Морского Министерства удостоверяет, что «... Захарий Николаевич Мухортов, из дворян, при выпуске из Императорского Санкт-Петербургского Университета с званием действительного студента, вступил на службу в Санкт-Петербургскую Палату Государственного Имущества 1841, октября, 31 дня. Указом Правительствующего Сената от 30 апреля 1842 года утвержден в чине губернского секретаря, со старшинством со дня вступления в действительную службу.

По Высочайшему повелению за отличие по службе награжден чином коллежского секретаря 1844, февраля, 8. По прошению уволен 1847, января 25. Потом, поступя в Ведомство Морского министерства, произведен в титулярные советники со старшинством с 1848, февраля, 8, и по порядку чинов в статские советники – 1858, апреля 7ого». В этих сведениях, где подробно расписана служебная карьера З.Н. Мухортова, сказано также, что 6 декабря 1853 года он «Всемилоостивейше пожалован в кавалеры ордена Святой Анны 2ой степени», причем, имеется очень любопытная добавка, нехарактерная для официальных документов.

Его Императорское Высочество, генерал – адмирал, отправил награду владельцу со следующим рескриптом: «Препровождая

при сем Всемилостивейше пожалованные Вам знаки ордена святой Анны 2 ст., мне весьма приятно поздравить Вас с сею Монаршею милостью...»

Из этих слов наследника престола становится ясным дальнейшее, после смерти Николая I и воцарения Александра II, приближение Захария Николаевича ко двору. Совершенно очевидно, что он смог в свое время оказать какую-то услугу императору. Придворная карьера З.Н. Мухортова также складывалась успешно: начав камер-юнкером, он дошел до гофмейстера Двора Его Императорского Величества, а в чинах поднялся до тайного советника. Значительную часть времени Захарий Николаевич, занятый служебными делами, проводил в Санкт-Петербурге, а за именем в Федоровке, которое к началу 60-ых годов XIX века было заложено в Московском опекуном Совете, смотрели мать, Аграфена Николаевна, и управляющий Фриде.

Однако регулярно (особенно после женитьбы) Мухортов наведывался в родные места. Правда, нам неизвестны пока посещения Федоровки Тургеневым при жизни Захария Николаевича. Так что их знакомство, скорее всего, состоялось в Санкт-Петербурге, но наверняка этому способствовали соседские отношения по именьям и глубокие экономические знания Вице-президента Вольного экономического общества.

Карьера отнимала много времени у Захария Мухортова, и женился он только в ноябре 1854 года, в возрасте 36-и лет.

29 ноября 1855 года у молодых родился первый ребенок – сын, названный Николаем и умерший, к несчастью, в младенческом возрасте. Четыре года пришлось ждать Захару Николаевичу и Александре Николаевне рождения второго сына. 24 августа 1860 года он появился на свет, и родители вновь, несмотря на суеверия, назвали его тем же именем.

Следом – в 1862 и 1863г.г., родились Захарий (в честь отца) и Георгий. Но последний сын, как и первый, прожил очень недолго.

По воспоминаниям старожила села Федоровка Павла Петровича Амелина, в честь рождения второго, долгожданного сына Николая построил Захар Николаевич Мухортов в Федоровке большой усадебный дом, к которому вела широкая мощеная дорога.

Трехэтажный особняк Мухортовых видели все их гости, подъезжавшие со стороны уездного Малоархангельска, почти за километр. Особенно красивым зрелище было в ночное время,

когда загорались окаймлявшие дорогу вращающиеся разноцветные фонари.

Особо почетным гостям Захар Николаевич позволял на коляске, запряженной парой лошадей, въезжать на длинный, протянувшийся по периметру всего дома, балкон второго этажа. Отсюда, с высоты, можно было увидеть расположившиеся позади дома так называемые «круги» - искусственные острова размером с полудесятину каждый. На одном из них находилась крытая беседка для чаепития, а рядом, улаждая взор гостей, плавали на воде черные и белые лебеди.

Как и многие помещики, Захар Мухортов любил лошадей. Доставшийся ему от отца конный завод он сберёг, расширил и вскоре о рысистых лошадях его узнали в Орле. Захар Николаевич и сам – на первых конских бегах на Орловском ипподроме в 1852 году установил приз в 120 рублей серебром для одной из скачек (владельцу кобылы – четырехлетки, победившей в беге на 4 версты).

Конный завод Мухортовых просуществовал довольно долго. После смерти Захара Николаевича его сыновья, также «лошадники», любимое отцово детище не забросили. В «Памятной книжке Орловской губернии на 1893 год», где содержались данные о конских заводах Малоархангельского уезда за 1891 год, я прочел, что на заводе гвардии поручика Николая Захаровича и коллежского секретаря Захара Захаровича Мухортовых имелось 18 кобыл – маток, 2 жеребца – производителя и 6 жеребят рысистой породы.

Последние данные об этом конском заводе мне встретились в «Памятной книжке Орловской губернии на 1898 год» (число лошадей на нем уменьшилось на треть, но он еще существовал).

Мы знаем, что Захар Николаевич Мухортов был замечательным хозяином. Его многочисленные земельные владения общей площадью в 13500 десятин в трех губерниях России (Орловской, Курской и Санкт-Петербургской) были в хорошем состоянии, давая стабильный доход - и не только за счет зерновых и конопляников.

В той же родной Федоровке (Владимирском), кроме конского завода, Мухортову принадлежали винокуренный и кирпичный заводы.

Большое хозяйство требовало постоянного внимания – и это у Захара Николаевича получалось, хотя в силу своей придворной должности большую часть времени он жил в столице. Избрание Вице - президентом Вольного экономического общества стало признанием его хозяйственных, экономических заслуг, а Александр II пожаловал своему слуге чин тайного советника.

Как человек образованный и талантливый во многих областях, Мухортов не чужд был и литературе. По крайней мере, писатель, критик и мемуарист Павел Анненков в письме И.С. Тургеневу от 12 (24) апреля 1853 года говорит, что «Панаев предпочитает рассказы Мухортова».

25 марта 1876 года Захар Николаевич Мухортов скончался в Санкт-Петербурге от водяной болезни, очень быстро унесшей его в могилу. Отпели графа в одной из церквей столицы, но погребение состоялось 3 апреля 1876 года в селе Федоровка (видно, так им было завещано – найденные мною данные о погребении взяты из метрической книги Владимирской церкви этого родного Мухортову населенного пункта).

По разрешению Консистории в храме, с левой стороны от входа, был вскрыт пол, и в эту внутрицерковную могилу опустили тело усопшего.

Нам неизвестно, как отреагировал на смерть своего знакомого Иван Сергеевич Тургенев, находившийся в это время в Париже. Да и узнал ли он об этом вовремя – мы также не знаем.

Можно только предположить, что во время посещения вдовы и детей Захара Николаевича в 1878 году в Федоровке Тургенев никак не мог пройти мимо Владимирского храма и могилы в нем Мухортова.

Да и еще раз, в 1881 год, в последний свой приезд в Россию, будучи опять-таки в Федоровке, Иван Сергеевич наверняка побывал в церкви, а, значит, навестил своего старого знакомого.

Федоровским имением после смерти Захара Николаевича нераздельно владели оба сына – Николай и Захар.

О Николае Захаровиче нам удалось, благодаря подсказке Николая Михайловича Чернова, найти биографические данные в «Сборнике биографий кавалергардов» (1826-1908), выпущенном в 1908 г. в Санкт-Петербурге.

Окончив Санкт-Петербургский университет, в 1882 году Николай Мухортов поступил на военную службу – юнкером в Кавалергардский полк. 13 лет прослужив в этом полку, в 1895-ом, ротмистром с правом ношения мундира Николай увольняется и возвращается в свое имение. Федоровкой все эти годы управлял младший брат – Захар, а Александра Николаевна, вторично выйдя замуж и став Грот, Федоровку покинула.

По всей видимости, годы управления Захара Захаровича пошли имению не на пользу. По воспоминаниям П.П. Амелина, федоров-

ского старожила, младший наследник в основном занимался развлечениями - охотой с борзыми особенно. Заводы мухортовские захирели, Захар Захарович много задолжал соседям. Может быть, по этой причине, спасая имение, его брат Николай и ушел с военной службы.

Но усилий Николая Захаровича для спасения имения оказалось недостаточно. В «Памятной книжке Орловской губернии на 1903 год» я обнаружил следующие сведения об имении Мухортовых: «За тайным советником Захаром Николаевичем Мухортовым земли при селе Владимирском – Федоровка тож, и деревней Николаевка числилось 1204 десятины 1200 сажений. Это имение в количестве 1070 десятин 944 сажня по документам, а по описи и плану – 1170 десятин 1200 сажений с торгов, произведенных Советом Особого Отдела Государственного Дворянского Земельного Банка в 1897-м году перешло к полковнику Георгию Оттоновичу Раух, а от сего последнего – к разным лицам и товариществам (в полном составе)».

В следующем, 1898-ом, году Николай Захарович Мухортов умер от болезни почек, и похоронили его в Федоровке, рядом с церковью. Женат он не был и наследников не оставил.

Был ли женат Захар Захарович Мухортов, и имелись ли у него дети, мне выяснить не удалось. Неизвестна мне и его судьба. По некоторым данным, после продажи имения Захар Захарович жил некоторое время в Орле, а потом уехал в Санкт-Петербург.

К настоящему времени от красивейшего когда-то Мухортовского дома, от усадьбы не осталось ничего – даже место заросло уже многолетними деревьями.

Уничтожена и старинная, начала XIX века, Владимирская церковь – вместе с могилой Захара Николаевича в ней. А на месте бывшего кладбища, где похоронен был Николай Захарович Мухортов - теперь располагаются контора местного сельхозпредприятия и школьный двор.

Напоминает о Мухортовых лишь название вымирающего села, расположенного в 10 километрах от Федоровки. Называется оно – Мухортово и принадлежало когда-то, естественно, этому старинному роду, нескольким представителям которого посчастливилось остаться в истории благодаря их знакомству с великим русским писателем Тургеневым.

Оловенниковы: история рода и одной семьи

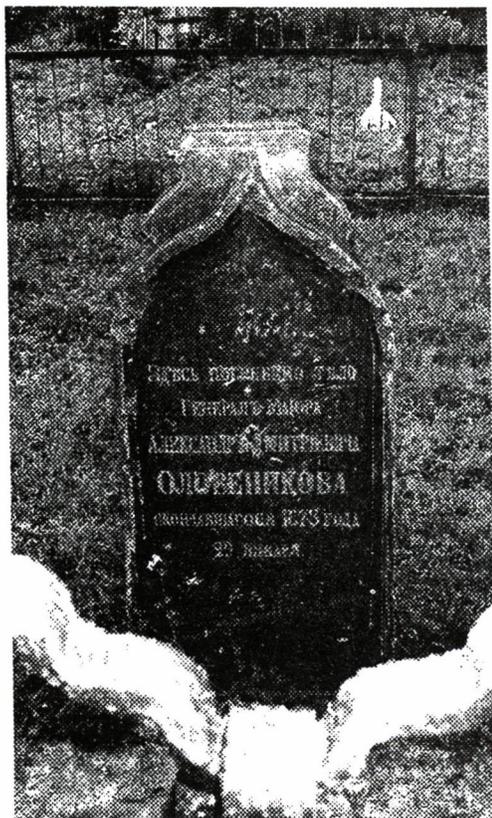
В один из теплых майских дней 1990 года несколько рабочих Опытного-производственного хозяйства «Покровское» разбирали на кирпич стены заброшенной конефермы. И в самом низу уже полностью разобранного здания увидели они большую черную гранитную плиту с надписью, запорошенной красной кирпичной крошкой. Когда мозолистые, натруженные от лома, руки первого рабочего осторожно смахнули эту крошку, надпись открылась полностью: «Здесь погребено тело генерал-майора Александра Дмитриевича Оловеникова, скончавшегося 1873 года, 29 января».

Как эта надгробная плита оказалась в основании конефермы, выяснить удалось достаточно быстро. Во время гитлеровской оккупации Покровского района летом 1942 года фашисты почти все гранитные плиты со старого кладбища стащили на дорогу (делали ее проходимой для своих танков в любую погоду). После освобождения села большинство плит позаимствовали для своих нужд местные жители. Надгробие же с могилы генерала Оловеникова решили использовать как строительный материал на заложенной в конце 40-х годов XX века колхозной конеферме. Председатель колхоза им. Ленина приказал – и на целых 40 лет плита оказалась скрытой от людских глаз.

Конеферма строилась в 300 метрах от кладбища, и найти старую могилу, с которой силой выдрали надгробную плиту, не составило бы тогда труда. Но Бога в то время основательно подзабыли, и потому использование надгробия не по своему прямому назначению ничьих возражений не вызвало.

После того, как плита вновь явилась взору окружающих, члены туристско-краеведческого кружка Покровской средней школы, используя свою и наемную рабочую силу, перевезли ее на старое кладбище.

На верхней части плиты не сохранилось креста, который когда-то там имелся, боковые грани надгробного камня пострадали от многих испытаний, но он остался цел – вопреки всем испытаниям, выпавшим на его долю.

*Надгробная плита с могилы
генерал-майора
Александра Дмитриевича
Оловеникова*

Фамилию Оловенниковых (фамилия здесь - с двумя буквами «н» - А.П.) в поселке Покровское и Покровском районе хорошо знали с давних времён. На здании ООО «Покровское» к этому времени уже имелась мемориальная доска с надписью: «На этом месте стоял дом, в котором родились и выросли активные деятельницы организации «Народная воля» сестры-революционерки Ошанина М.Н., Оловенникова Е.Н., Оловеникова Н.Н.».

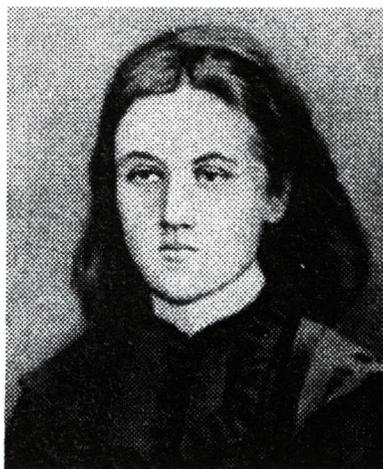
Покровчане, таким образом, увековечили память о своих землячках, которых считали настоящими героинями – ведь они не жалели себя и своих жизней во имя народа.

Вспомним некоторые моменты российской истории.

В 1878 году в Санкт-Петербурге была создана новая организация революционеров – «Земля и воля», выступавшая за крестьянскую революцию, национализацию земли и уничтожение самодержавия. Основной метод борьбы, избранный землевольцами, заключался в пропаганде будущей революции среди крестьян. За год деятельности часть революционеров разочаровалась в эффективности и целесообразности пропагандистской деятельности, и потому в 1879 году в «Земле и воле» произошел раскол: она разделилась на две самосто-

***Елизавета Николаевна
Оловенникова***

***Наталья Николаевна
Оловенникова***

ательные группы – «Черный передел», выступавший за продолжение пропаганды среди крестьян, и «Народную волю», считавшую главным средством начала крестьянской революции убийство царя.

Сестры Оловенниковы, бывшие вначале активными пропагандистками, после раскола «Земли и воли» в 1879 году стали убежденными сторонницами террора.

Наталья и Елизавета замуж не выходили и сохранили до конца жизни родительскую фамилию. Мария Николаевна в истории осталась под фамилией своего первого, рано умершего (точнее, казнённого за антиправительственную деятельность – А.П.) мужа – Ошанина.

Вот что писал Лев Тихомиров, одно время близкий друг Марии: «Очень красивая в молодости, с огромным темпераментом, с большим стремлением к чему-то великому, пышному, красивому, очень умная и с упорнейшим характером, с прекрасным светским воспитанием, известная и способная очаровать. Это личность весьма выдающаяся и игравшая довольно видную роль в нашей революции».

А вот воспоминание Сергея Иванова о Елизавете Оловенниковой: «У меня сохранилось самое светлое воспоминание об этой милой, симпатичной девушке, отдавшей тогда всецело революционной работе...».

Мария Николаевна Ошанина

Елизавета, в числе других (их было всего 12 человек, шесть «двоек»), по заданию ЦК «Народной Воли», следила за передвижениями Александра II по Петербургу с целью выбора самого удачного места для покушения. И задание это ею было выполнено.

1 марта 1881 года второй бомбой, брошенной Игнатием Гриневицким, Царь-Освободитель был смертельно ранен.

«Невозможно воспроизвести во всех подробностях ужасную, потрясающую картину, которая представилась присутствующим, когда поднятый взрывом столб

рассеялся. Двадцать человек, более или менее тяжело раненных, лежали у тротуара и на мостовой, некоторым из них удалось подняться, другие ползли, иные делали крайние усилия, чтобы высвободиться из-под налегших на них при падении других лиц. Среди снега, мусора и крови виднелись остатки изорванной одежды, сабель и кровавые куски человеческого мяса. Адская сила, произведшая эти опустошения, не пощадила и Венценосца!..

Вследствие раздробления обеих ног Государь опустился на землю таким образом, что скорее присел, чем упал, откинувшись корпусом назад... от шинели Государя остался воротник и не более полуаршина верха ее. С головы фуражка упала; разорванная в клочья шинель свалилась с плеч; разможенные ноги были голы, из них лилась кровь струями; на бледном лице следы крови и подтеки».

Процитированный отрывок взят мной из «Дневника событий с 1 марта по 1 сентября 1881 года. СПб, 1882».

После покушения на царя большинство народолюбцев, в том числе и Елизавета Оловенникова, вскоре было арестовано (хотя аресты начались еще и до 1 марта).

Суд Особого Присутствия Правительствующего Сената под председательством сенатора Дрейера, рассматривая дела о государственных преступлениях, в числе других обвиняемых начал допра-

шивать в феврале 1882 года и дворянку Елизавету Николаевну Оловенникову. В марте Санкт-Петербургский окружной суд (по заключению врачей-экспертов) признал, что Оловенникова страдает «неподлежащей сомнению формой сумасшествия», и потому прекратил в отношении нее дальнейшее судебное преследование. В апреле того же года Елизавету Николаевну поместили в лечебницу, где вскоре врачи сделали вывод, что никакой надежды на выздоровление нет, так как речь ее остается сбивчивой и бессмысленной, она постоянно разговаривает сама с собой и страдает к тому же упорными галлюцинациями слуха.

Такой была расплата за революционную деятельность, за насилие над человеческой природой, за террор.

В 1891 году, после нескольких прошений матери, Любови Даниловны, в адрес Сената, Елизавете Оловенниковой было разрешено вернуться на родину, в село Покровское, где под надзором местной полиции она прожила до 1917 года. Вместе с родными находилась здесь же и средняя сестра, Наталья Николаевна, которая сравнительно короткое время также участвовала в революционной деятельности «Народной воли». Однако соприкосновение с изнанкой революции для Натальи оказалось таким страшным, что здоровье ее быстро расстроилось, она переехала из Санкт-Петербурга в Орел, а потом и в Покровское, где в родовом имении Оловенниковых хозяйничал младший ее брат Сергей.

На природе, под присмотром брата и матери, нервы обеих сестер успокоились, здоровье восстановилось настолько, что Наталья и Елизавета стали помогать Сергею Николаевичу в его просветительской деятельности.

С.Н. Оловенников в своем имении создал публичную библиотеку, которую посещали местные крестьяне, а Наталья и Елизавета обучали грамоте местных ребятишек (один из них, Стефан Мухалов, уже будучи глубоким стариком, в 80-е годы XX века вспоминал двух седых интеллигентных барынь, которые учили его читать и писать).

Наталья и Елизавета Оловенниковы умерли уже после Октябрьской революции, пользуясь покровительством Советской власти, которая с уважением относилась к народовольцам (по словам В.И. Ленина, пусть не теми методами, но они все-таки боролись с царизмом). Наталья Оловенникова умерла в Покровском в 1924 году, а Елизавету Оловенникову похоронили в 1932 году на Троицком кладбище г. Орла. Могилы обеих сестер, к сожалению, утрачены.

Более трагическая судьба выпала на долю старшей из Оловенниковых – Марии Ошаниной. Как одну из руководительниц «Народной воли», ее после 1 марта 1881 года активно искала полиция. Сумев избежать ареста, Мария уехала за границу, где вместе со Львом Тихомировым возглавила организацию «Старых народовольцев».

За границей до нее дошла весть о смерти ее второго мужа, соратника по борьбе с царизмом, с которым она была официально повенчана в 1879 году в селе Покровское. Александр Иванович Баранников (партийная фамилия – Ипполит Кошурников), приговоренный по «Процессу 20-ти народовольцев» к бессрочным каторжным работам, замененным потом тюремным заключением, скончался от скоротечной чахотки в Шлиссельбургской крепости 25 лет от роду.

На родине, в Орловской губернии, Марию Ошанину помнили – но только как государственную преступницу по делу «Народной воли». Полиция время от времени проверяла изредка появлявшиеся слухи о возвращении Марии Николаевны в Россию. Сама же Ошанина (за границей ее знали как Кошурникову, Баранникову, Марину Полонскую или «Мадам Якобсон») тосковала по родным, новых друзей не завела. Здоровье ее, как и сестер, было расстроено.

Болезнь выражалась в сильнейших головных болях. 20 сентября 1898 года, не вынеся страданий, она покончила жизнь самоубийством, написав в завещании: «Желая оставить моим друзьям память о человеке, а не о трупе, и в то же время, полагая, что последние почести (нелепый обычай), которые они сочтут себя обязанными воздать моему телу, лишь бесполезно обострят их горе по поводу моей смерти, я прошу их предоставить иностранцам заботы о моих останках и воздержаться от присутствия при моем смертном одре и похоронах... Я не хочу ни речей, ни венков, ни приглашений на похороны и, само собой разумеется, я не хочу биографий... Составлено и подписано моею рукою в Париже 22 июня 1898 года. Марина Полонская».

Так закончили свой земной путь сестры-революционерки.

А теперь несколько слов о роде Оловенниковых, корни которого уходят в глубину далекого прошлого.

В XVII веке, когда территория нашего края входила в состав Ливенского уезда, Оловенниковы уже жили здесь, а по мере все большего заселения местности они стали владельцами нескольких населенных пунктов с крепостными крестьянами в них. В Приправочной и Переписной книгах по Ливенскому уезду Оловениковы (с

одним «н»-А.П.) значатся как одни из пионеров, заселявших бассейн реки Сосны в ее верховье.

Кстати, фамилия эта, в силу ее многобуквенности, в XVII-XIX веках писалась то как Оловяниковы, то как Оловениковы (с одной «н»), то как Оловенниковы (с двумя «н»-А.П.).

Местные крестьяне выговорить правильно трудную фамилию никак не могли, и хозяева превратились у них в Волныковых.

Волныковка – так до сих пор по-местному зовут жители Кунача часть своей деревни. Так называли и часть села Покровское, расположенную рядом с помещичьей усадьбой Оловенниковых (в районе перешейки улицы Куйбышева).

Трудно сказать, сколько именно Оловенниковых начинало трудную жизнь переселенцев в нашем крае в XVII-XVIII веках. Но уже к середине XIX века это было достаточно многочисленное дворянское семейство, занесенное в алфавитный указатель дворянских родов и внесенное в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии.

В ревизских «сказках» по Малоархангельскому уезду (данные 4-й ревизии 1782 года) содержатся следующие сведения: «Вотчина вдовы майорши Матрены Ивановны Оловениковой – селцо Васильевское, что на Липовице (что было прежде село Покровское), вотчина недоросля Николая Николаева сына Оловеникова – селцо Васильевское, что на Липовице (что было прежде село Покровское)».

Это владение с 39 крепостными крестьянами досталось Матрене Ивановне и ее сыну от деда- майора Мацнева.

От Николая Николаевича имение перешло после его смерти сыну – Дмитрию Оловеникову. В Государственном архиве Орловской области (фонд 744, оп.1, ед. хр.4) сохранился любопытный документ – купчая на землю: «Лета 1819 в 9-й день (месяц в документе не назван – А.П.) Малоархангельский помещик капитан Дмитрий Николаев сын Оловеников, продал ливенскому мещанину Максиму Харитонову сыну Зерцалову крепостной своей благоприобретенной земли, состоящей Малоархангельского уезда в дачах села Покровского, что на Липовицы в урочище на каменном верху подле Ливенской большой дороги, - полудесятину, а взял я, Дмитрий, с него, Максима, денег государственными ассигнациями сто рублей».

Конечно, продажа полудесятины земли сильно не могла изменить материальное положение Дмитрия Оловеникова, потому что сыну, тоже военному, дослужившемуся до звания генерал-майора, владение он оставил в полном порядке.

Прежде чем рассказать о хозяйственных наклонностях Александра Оловеникова, несколько слов посвятим его военной жизни. Сведения эти мы почерпнули в редкой книге, изданной в начале XX века - «Сборнике биографий кавалергардов».

Итак, Александр Дмитриевич Оловеников (в книге фамилия написана как «Оловянный»- А.П.) – из дворян Орловской губернии, родился в 1802 году и уже с юных лет начал военную карьеру. Она оказалась связанной с российской кавалерией.

11 марта 1820 года Александр поступил юнкером в Екатеринбургский кирасирский полк, но уже 22 июня был переведён в Глуховский кирасирский полк, в котором в августе того же года стал корнетом. Этот полк несколько раз менял названия - был кирасирским, драгунским, снова кирасирским, но всегда отличался воинской доблестью, в сражениях 1812 года особенно, когда он удостоился Георгиевского штандарта.

В Глуховском полку Оловеников прослужил почти 13 лет, постепенно поднимаясь по служебной лестнице: в 1823 году он – поручик, в 1824 – полковой адъютант, в 1829-ом - штаб-ротмистр, в 1830-ом – командир третьего эскадрона.

В 1833 году Александра Дмитриевича перевели в Лубенский гусарский полк, который принимал активное участие в Отечественной войне 1812 года и в заграничных походах русской армии 1813-1814 годов. В этом знаменитом полку Оловеникову довелось служить дважды - в 1833-1834 и в 1840-1845 годах.

С 14 августа 1834 года и до 26 ноября 1840-ого Александр Дмитриевич находился в одном из самых элитных полков русской армии- Кавалергардском, созданном в 1799 году (кавалергарды исполняли обязанности телохранителей и почётной стражи русских царей-А.П.).

Здесь Оловеников вначале командовал седьмым запасным эскадронам, а после произведения в полковники был утверждён командиром 3-его дивизиона.

Последний период службы Оловеникова оказался связан с Мариупольским гусарским полком, откуда 7 апреля 1847 года он был уволен в запас генерал- майором.

Так получилось, что единственная война, в которой генерал принимал участие - это польская кампания 1831 года. Тогда поляки, уже более 30 лет не имевшие собственного государства, подняли восстание, пытаясь вернуть свободу и независимость. Николай I

бросил на Польшу регулярную армию, но поляки отчаянно и храбро защищались, прежде чем - уже после взятия Варшавы - наконец-то их сопротивление было сломлено.

В составе Глуховского кирасирского полка тогда ещё ротмистр Оловеников отличился в нескольких битвах с поляками, особенно в двухдневном сражении при местечке Сокоchine (17 и 18 июня 1831 года).

Вышедший в запас и поселившийся в своем доме в селе Покровское генерал-майор Александр Дмитриевич Оловеников увлекся делами хозяйственными и немало в этом преуспел.

В 1856 году он купил кусок земли в 10 десятин, смежный с его участком, у учителя Орловского училища для девиц Константина Богучарова за 200 рублей серебром. На следующий год, в октябре 1857 года, генерал-майор приобрел у сестер Варвары Юрьевны, Елены Юрьевны и Матрены Юрьевны Шушлябиных (в замужестве – Коньковой, Плещеевой и Рудневой) принадлежавшие им части водяной мукомольной мельницы с берегом реки, к ней прилежащим, в селе Покровском, на реке Липовице – за общую сумму в 900 рублей. Части мукомольной мельницы достались сестрам после смерти их брата - дворянина Сергея Юрьевича Шушлябина, который и владел мельницей, на паях с генерал-майором Оловениковым. Теперь, после завершения выкупной сделки, мельница сделалась единоличным владением генерала.

Кстати, остатки этой мельницы (части фундамента) до сих пор сохранились и находятся у перехода через реку Липовец, напротив старого кладбища.

Александр Дмитриевич Оловеников умер в своем имении в селе Покровское 29 января 1873 года и похоронен был с почетом на местном кладбище. Могила его, как и многих других, была разграблена и разрушена, надгробный камень в 50-е годы XX века положен в основание строившейся фермы. Сейчас эта надгробная плита находится на территории небольшого мемориала у здания районного краеведческого музея. Каждый приходящий сюда может прочесть надпись: «Здесь погребено тело генерал-майора Александра Дмитриевича Оловеникова...».

Долгое время считалось, что А.Д. Оловеников – дед сестер Марии, Натальи и Елизаветы Оловениковых, революционерок, активных деятельниц «Народной воли», о которых мы говорили в самом начале статьи.

Однако обнаруженные мной в Госархиве Орловской области документы позволяют сделать вывод, что генерал-майор Оловеников – лишь родственник, но никак не родной дед революционерок. Одна родственная ветвь помещиков Оловениковых генералом и закончилась. Вот эта ветвь: Николай Оловеников (умерший в 1782 году) – Николай Николаевич Оловеников – Дмитрий Николаевич Оловеников (капитан) – Александр Дмитриевич Оловеников (генерал-майор). О наследниках генерала ничего нам пока узнать не удалось.

Рассказ о других Оловениковых мы начнем с документа из фондов ГАОО (фонд 744, оп.1, ед.хр.4). Это отдельный акт, по которому 30 апреля 1854 года Николай Александрович Оловеников (писец 1 разряда), Анна Александровна Оловеникова (дворянская девица), Варвара Александровна Щеголева (урожденная Оловеникова, поручица) в Орловской палате гражданского суда произвели раздел имущества, доставшегося им после их родителей и дядей.

Николай Александрович Оловеников, писец 1 разряда, губернский секретарь – это отец сестер-революционерок, а Анна и Варвара Александровны – его родные сестры. Но из документа становится ясно, что их родители – Александр Александрович и Екатерина Осиповна. Значит, родного деда сестер, поручика, звали Александр Александрович, а не Александр Дмитриевич, как мы долгое время думали. Он умер в самом начале 50-х годов XIX века, а вовсе не в 1873 году, то есть еще до рождения Марии, Натальи и Елизаветы Оловениковых. Своего родного деда они, получается, не знали вовсе.

Но возвратимся к документу. В самом начале 50-х годов XIX века один за другим умерли в Малоархангельском уезде три брата: Александр, Василий и Николай Александровичи Оловениковы. У Василия и Николая Александровичей своих детей не было, и потому их наследниками стали племянник Николай и племянницы Анна и Варвара, дети Александра Александровича.

Дворянской девице Анне Оловениковой при разделе имений родственников досталась деревня Александровка (Тетерье тож) с 35 крепостными крестьянами мужского пола.

Ее сестра, поручица Варвара Александровна Щеголева, получила деревню Варварино (Возобновленное тож), с 30 крепостными мужиками и 139 десятинами земли.

Остальную часть владений – в селе Липовице, Покровское тож, и деревне Нижнем Куначе со 192 душами крепостных крестьян мужского пола получил Николай Александрович Оловенников («со всеми детьми крепостных крестьян, имуществом, скотом, птицею, хлебом и всею землею прилегающей»), как гласит раздельный акт).

Таким образом, писец 1 разряда, губернский секретарь Николай Александрович Оловенников стал достаточно состоятельным помещиком. А если прибавить сюда еще земли, доставшиеся ему после смерти рано умершей сестры Варвары, то и он сам, и дети его могли считать себя людьми, обеспеченными до конца жизни.

Детей же у Николая Александровича и его жены Любви Даниловны (кстати, она была недворянского происхождения, и потому для причисления детей ко дворянству пришлось просить об этом губернское дворянское собрание) было шестеро – сестры Мария, Наталья, Елизавета, братья Михаил, Сергей и Андрей.

Долгое время во многих публикациях и книгах, посвящённых истории родовольчества, даты рождения сестер Оловенниковых назывались неточно. *Благодаря найденному мной архивному документу (ГАОО, фонд 68, дело 28, лист 47) удалось установить документально, что Мария родилась 15 мая 1852 года, Наталья – 6 декабря 1855, а Елизавета – 28 августа 1857 года.*

О сестрах-революционерках написано много (мы о них тоже в этом материале рассказали -А.П.), гораздо меньше - о братьях.

Об Андрее Николаевиче, старшем из них, неизвестно почти ничего. По всей видимости, он умер в раннем возрасте.

Средний, Михаил Николаевич, окончил курс в Орловской Бахтина военной гимназии. В 90-ые годы XIX века служил земским начальником в Севском уезде Орловской губернии. 22 января 1901-ого года он был назначен на должность советника Орловского губернского правления и редактора неофициальной части газеты «Орловские губернские ведомости». В 1903 году Михаила Николаевича причислили к Министерству Внутренних Дел. По отзывам всех, кто его знал, М.Н.Оловенников «заботливым и сердечным участием к подчинённым приобрёл глубокое и искреннее уважение последних». Будучи владельцем небольшого имения в деревне Черёмуховая Плота (29 десятин земли), заботился об образовании крестьян, на свои средства построил школу, входил в число членов Орловской ученой архивной комиссии.

У Надежды Владимировны Оловенниковой, жены Михаила Николаевича, при той же деревне Черёмухова Плота, Малоархан-

гельского уезда, числилось земли (на 1-ое января 1908-ого года - А.П.) 257 десятин, и она являлась одной из самых богатых поместий Владимирской волости. Оловенникова, в отличие от мужа, постоянно проживала в своём имении. Она была попечительницей школы, которую построил супруг, на её деньги школа и содержалась.

Наследником же имения Оловенниковых в самом селе Покровское стал младший из сыновей – Сергей Николаевич. 27 апреля 1897 года он венчался в Покровской церкви с девицей Верой Дмитриевной Гороховой, учительницей из села Липовец. В 1899 году у них родился сын Лев, а в 1901 году – дочь Анна. Именно к этому, 1901 году, относится первое упоминание о библиотеке в имении С.Н.Оловенникова. Вот что сказано в отчёте №4, который представила Малоархангельская Земская Управа 38-ому Земскому Собранию 1902-ого года: «...в текущем году (1901-ом-А.П.), согласно постановлению 35-ого и 36-ого Земских Собраний открыты три библиотеки имени Ф.Ф.Павленкова при имении С.Н.Оловенникова и при Луковском и Алексеевском волостных правлениях...»

Помещичий дом Сергея Оловенникова и его детей был сравнительно скромным – одноэтажным, в семь комнат, одна из которых и была определена под размещение книг библиотеки.

В последующих отчётах земского правления датой основания её, по каким-то причинам, стал считаться 1903 год. В 1907 году в библиотеке С.Н.Оловенникова насчитывалась 221 книга и 31 читатель (5 взрослых и 26 детей). Всеми книжными делами занималась жена Сергея Николаевича - Вера Дмитриевна, имя которой в настоящее время носит главная достопримечательность посёлка Покровское - Верочкина роща. После революции дом Оловенниковых одно время был жилым, в 30-е годы XX века в нём размещалась контора Покровской МТС, а при оставлении нашими войсками Покровского района дом был сожжен. В настоящее время на этом месте расположено административное здание местной агрофирмы. На нем помещена мемориальная доска в память о сестрах-народоволках. Обширный сад Оловенниковых в 30 – 50-е годы XX века был вырублен и исчез.

У Марии Николаевны Ошаниной (Оловенниковой) была дочь от первого мужа - Елена Ошанина, также некоторое время занимавшаяся революционной деятельностью, но уже в более поздний период. В 20-ые годы прошлого века она работала фельдшером в селе Покровское и деревне Кунач.

У Натальи и Елизаветы Оловенниковых детей не было. А вот у брата, Михаила Николаевича, их родилось пятеро – Надежда, Борис, Михаил, Георгий, Любовь.

Некоторые подробности о жизни сыновей М.Н.Оловенникова нам удалось узнать от уроженца деревни Юрьево, ветерана труда, к сожалению, недавно умершего, Александра Андреевича Горохова (а ему об этом рассказывал его отец, Андрей Егорович).

Старший из детей, Борис Михайлович, работал земским врачом в Малоархангельске, откуда на собственном экипаже регулярно приезжал к матери в Юрьево.

Средний сын, Михаил Михайлович, был военным и, приезжая в гости к матери, любил с юрьевскими ребяташками проводить учения, одним из которых был «переход Суворова через Чёртов мост». В качестве Чёртова выступал мост через глубокий и страшный для местных детей овраг. Под умелым руководством офицера деревенские мальчишки каждый год удачно повторяли Суворовский переход. В I Мировую войну М.М.Оловенников дослужился до полковника, в гражданскую войну сражался в Белой гвардии, был взят красными в плен и расстрелян ими где-то в Белоруссии.

Младший из сыновей, Георгий (Юрий) Михайлович, тоже, будучи военным, сумел после окончания гражданской войны эмигрировать - сначала в Румынию, а потом в Германию, где и затерялись его следы.

Лев Сергеевич Оловенников, сын Сергея Николаевича, получив гимназическое образование, после революции служил в Правовом отделе Орловской губернской коллегии о пленных и беженцах, но в самом начале 20-х годов заболел тифом и умер, не оставив после себя почти ничего, кроме бумаг и памяти. При Советской власти фамилия Оловенниковых упоминалась все реже и реже, пока совсем не растворилась во времени.

Но покровчане эту фамилию знают и помнят очень хорошо: кроме мемориальной доски в честь сестёр - революционерок и Верочкиной рощи есть в посёлке Покровское ещё и улица Оловенниковых, есть книги и статьи о них, помещиках нашего края, многое сделавших для его развития и процветания.

«Ангел мести» Александр Баранников (портрет террориста)

Латинское слово «террор» и производные от него слова – «терроризм», «террористы», «терроризировать» в наше время, к сожалению, переводить на другие языки не нужно. Они понятны и без перевода.

С утра до вечера, каждый час, в сводках новостей теле - и радиостанции сообщают о том, что в том или ином уголке земного шара – от чинной и благополучной Европы до нищей Африки – взорвана очередная бомба, погибли, ранены и искалечены еще несколько десятков человек.

Терроризм, как раковая опухоль, от небольшой и почти безболезненной точки, разросся уже по всему телу земного шара.

А между тем, как явление новое и на первых порах в чем-то (для отдельных людей, конечно) привлекательное это мировое зло зародилось не так уж и давно – во второй половине XIX века.

Одной из первых организаций, из чрева которой и выполз на Божий свет Монстр терроризма, стала российская «Народная воля».

Среди видных народовольцев было несколько человек, так или иначе связанных с Орловщиной: Сергей Степняк-Кравчинский и Александр Баранников учились в Орловском Бахтина Кадетском корпусе, а Мария Ошанина (Оловенникова) родилась в селе Покровское Малоархангельского уезда.

В нашем рассказе мы в той или иной мере коснемся всех трех этих имен, но главное внимание уделим все-таки Баранникову.

Александр Баранников

Итак...

«4 августа 1878 года, в 9 часов 10 минут утра, бывший Шеф Жандармов, генерал-адъютант Мезенцов, возвращаясь с утренней прогулки, в сопровождении подполковника Макарова, на Михайловской площади, близ дома Кочкурова, был встречен неизвестным, который нанес ему кинжалом рану в полость живота. Истекая кровью, генерал Мезенцов был привезен домой и в 5 часов 10 минут пополудни скончался.

При преследовании подполковником Макаровым убийцы, быстро скрывшегося за углом площади и убежавшего по Большой Итальянской улице, другой неизвестный выстрелил в Макарова и хотя промахнулся, но вследствие происшедшего от выстрела замешательства, оба злоумышленника успели вскочить в дожидавшуюся их у кондитерской Кочкурова пролетку на лежачих рессорах, запряженную вороной лошастью, и скрылись по направлению к Большой Садовой улице...»

Процитированный нами отрывок взят из обвинительного акта на процессе 20 народолюбцев, проходившем в Санкт-Петербурге с 9 по 15 февраля 1882 года. Первым пунктом обвинения на этом процессе был: «Убийство Шефа Жандармов, Генерал-адъютанта Мезенцова», а первым допрошенным стал «Александр Баранников, 23 лет, дворянин». Именно он во время покушения прикрывал Сергея Кравчинского, убийцу Мезенцова, и, благодаря ему, покушение оказалось успешным, а обоим его участникам удалось благополучно скрыться от преследования.

Сергей Кравчинский вскоре, по настоянию своих товарищей, уехал за границу и от активной революционной работы отошел. Став писателем, он опубликовал за рубежом несколько произведений, посвященных русским революционерам 70-80х годов XIX века (многие из них были его друзьями, а других он хорошо знал).

В 1881-1882 годах итальянская газета «Пунголо» напечатала серию его очерков под общим названием «Подпольная Россия».

Характеризуя деятельность Александра II и его подчиненных, Степняк-Кравчинский (под таким псевдонимом его узнали как писателя) пришел к выводу: «Против подобного правительства все дозволительно. Оно уже является не выразителем воли большинства, а организованным произволом. На уважение оно может претендовать не больше, чем шайка придорожных разбойников, которые бьют, грабят и режут, пока на их стороне сила» (И это сказано о царе

и правительстве, которые для России в XIX веке сделали много больше, чем все другие – А.П.).

И далее Степняк спрашивает: «Но как избавиться от этой банды, укрывшейся за лесом штыков? Как освободить от нее родину?» Ответ, по его мнению, однозначен: «Нечего было и думать о взятии приступом твердыни царизма, как то делалось в других, более счастливых, странах. Нужно было обойти врага с тылу, схватиться с ним лицом к лицу позади его неприступных позиций, где бы не помогли бы ему все его легионы».

Так возник терроризм. «Террорист один «среди коленопреклоненной толпы высоко держит свою гордую голову, не склонявшуюся никогда перед врагами. Он прекрасен, грозен и неотразимо обаятелен, так как соединяет в себе оба высочайших типа человеческого величия: мученика и героя».

Именно таким мучеником и героем, по мнению Степняка-Кравчинского, был его друг и напарник по покушению на Мезенцова Александр Баранников, личность колоритная и очень популярная среди народовольцев.

Вера Фигнер, хорошо знавшая Баранникова, вспоминала, что: «Он имел фигуру, выдающуюся по своей стройности и красоте, и отличался большой физической силой и здоровьем. Его красивое лицо, смуглое, матовое, без малейшего румянца, волосы цвета воронова крыла и черные глаза делали его непохожим на русского: его можно было легко принять за «восточного человека», всего более - за кавказца, каким он и был по матери... его фигура и мрачное лицо вполне гармонировали с решительностью его убеждений».

Родился Баранников в 1858 году в Путивле Курской губернии, где поселился после выхода в отставку его отец, служивший до этого на Кавказе и привезший в родной город жену – грузинку (вот откуда у Александра восточные черты лица).

Пять лет было Саше, когда в результате болезни умер его отец, оставив жене четырех детей и небольшой, но, все же, достаток. В память об отце, лейб-гренадере, мать хотела видеть Александра только военным. Он был отдан в Орловский Бахтина кадетский корпус, который успешно закончил в 1876 году, получив определенные навыки, однако военное дело так и не полюбил.

Уступив еще раз матери и сестре, Баранников поступил в 1-е военное (Павловское) училище. Однако в дальнейшем он начинает действовать только сам, по своей совести и убеждениям.

Проучившись несколько месяцев, Баранников решил, что главное дело для него - не карьера военного, а революция во имя русского народа. Именно революции он и посвятил свою дальнейшую жизнь. Однако, чтобы этот шаг не принес беды родным и близким, Александр совершает чрезвычайный поступок.

Зимой 1877 года ротный командир Баранникова получает письмо, из которого узнает, что его юнкер намерен расстаться с жизнью по причине тяжелого душевного состояния. Брошенные на поиски пропавшего товарища павловцы вскоре нашли на берегу Невы его военное платье.

Так 18-летний Баранников на долгие годы исчез из поля зрения всех ранее его знавших. Так он вошел в революцию.

Для того, чтобы «познакомиться поближе с условиями борьбы мелких партизанских отрядов с регулярными войсками и употреблять потом эти знания с пользой в минуту народного восстания на родине», с осени 1877 года Баранников сражается в Черногории, помогая братьям-славянам завоевать независимость в борьбе с Османской империей.

Весной 1878 года он возвратился на родину.

Возвратился, чтобы с головой броситься в революционный омут. Многие из революционеров уже утонули в нем, но Александр надеялся, что уж он-то выплывет – или научит плавать столько, что тонуть придется самодержавию.

Баранников никогда не был говоруном. Всю свою короткую жизнь он считал себя человеком дела.

И дело это Баранников начал – решительно, твердо, бесповоротно.

1 июля 1878 года, переодевшись в форму жандармского офицера, он вместе с двумя своими товарищами совершает нападение на полицейский конвой, перевозивший в каторжную тюрьму народника Войнаральского. Один из конвоиров Баранниковым был ранен, но освободить заключенного не удалось.

4 августа 1878 года следует покушение на Шефа Жандармов Мезенцова. Разыскиваемый полицией, Баранников меняет паспорта, становясь то Тюриковым, то Кошурниковым, то Алафузовым, а товарищи знают его по партийным кличкам – «Семен» и «Порфирий».

На опасных тропах революции судьба сводит его с женщиной на шесть лет старше его, намного опытнее и уже вдовой. Мария Ошанина (в девичестве - Оловенникова), дочь помещика из села Покровское Малоархангельского уезда Орловской губернии, запала

в сердце Баранникову уже при первом их знакомстве на одной из конспиративных квартир землепользователей.

Жуир и весельчак в обращении с женщинами, имевший большой успех у прекрасного пола, он влюбился с первого взгляда.

Любовь оказалась взаимной.

В апреле 1879 года они приехали на родину Марии Николаевны – в село Покровское, и здесь, в местной церкви, обвенчались. Правда, жених сочетался браком под чужой фамилией – Кошурников. Но золотыми кольцами молодые обменялись по-настоящему.

Вместе они поехали в Липецк, а затем и в Воронеж, где произошел фактический раскол пропагандистской организации «Земля и воля» на две совершенно разные – «Черный передел» и «Народную волю».

Между молодоженами разногласий в политическом плане не было: оба стали сторонниками террора, активными деятелями и членами Исполкома «Народной воли», оба голосовали за смертный приговор Александру II в августе 1879 года, как вынужденную, но необходимую для дела революции меру.

После вынесения царю-Освободителю смертного приговора Александр Баранников участвует в подготовке и организации большинства покушений на него.

Уже через месяц, в сентябре 1879 года он доставил в Одессу около трех пудов динамита, чтобы взорвать царский поезд, следовавший из Крыма в Санкт-Петербург. Но император предпочел другой маршрут.

19 ноября 1879 года, близ Москвы, в трех верстах от Московской станции Московско-Курской железной дороги было взорвано железнодорожное полотно, вследствие чего был выведен из строя поезд охраны. Царский поезд не пострадал. Среди тех, кто подводил минную галерею длиной более 40 метров под железную дорогу, находился и Баранников.

В программе «Народной воли» террор не выступал в качестве главной формы политической борьбы, занимая равное место среди других видов революционной деятельности.

Однако на практике подготовка покушений на Александра II все более поглощала живые силы и материальные средства «Народной воли». Народовольцы порой забывали о тех людях, ради которых они и делали дело революции.

Александр Баранников по природе своей не был злым человеком, тем более – злодеем. Он любил мать, брата, сестер, друзей и никому

не хотел причинять беспокойств родным своей деятельностью – и все же стал террористом.

Начатое дело (так ему тогда казалось) необходимо было довести до конца. Нужно любыми средствами убить царя – даже если пострадает кто-то еще. «История оправдает, а народ отблагодарит» так считали народовольцы, так думал Баранников. Поэтому покушения продолжались.

Летом 1880 года вместе с несколькими другими народовольцами Баранников минировал Каменный мост в Санкт-Петербурге, где ожидался проезд Александра II. Для этого в воду были опущены четыре гуттаперчевые подушки, содержащие в себе семь пудов динамита. Взрыв не состоялся, так как царь отправился в Крым прямо из Царского Села.

Последнее из покушений, в котором Баранников принимал участие – организация подкопа под улицу Малая Садовая, по которой должен был проезжать Император. Это был один из обычных маршрутов царя, и именно Баранников сумел найти подходящее подвальное помещение, чтобы устроить «Склад русских сыров Е. Кобозева» - как прикрытие для ведения отсюда минной галереи. Девять народовольцев, сменяя друг друга, в тесноте и темноте копали землю, пряча ее в бочках из - под сыров. Работали весь январь и февраль 1881 года.

Одновременно готовилась к покушению и группа метальщиков – на случай, если Александр II не поедет по Малой Садовой улице. Однако Александру Баранникову не пришлось участвовать в заключительной стадии покушения: он был арестован на одной из проваленных конспиративных квартир 25 января 1881 года.

26 января министр внутренних дел Лорис-Меликов направил Александру II очередной доклад, в котором, наряду с прочим, сообщил о задержании «известного Вашему Величеству по имени путивльского дворянина Александра Ивановича Баранникова».

Прочитав доклад, император наложил на нем свою резолюцию: «Считаю результат весьма важным».

Арестованного Баранникова помещают в Петропавловскую крепость, а затем переводят в Дом предварительного заключения. Более года он находится под следствием, ожидая суда. Понимая, что за все его покушения ему грозит смертная казнь, он сразу решает подготовить к трагическому финалу своих родных, сообщая в одном из писем (а написал он их около сорока), что заболел чахоткой в скоротечной форме.

Когда Баранников писал это, никакой болезни у него не было. Он выдумал ее, как и то свое, пятилетней давности, самоубийство.

На судебном процессе в феврале 1882 года по делу 20-ти народо-вольцев Баранников держится спокойно, даже хладнокровно. «Он говорил, что делал, чего не делал. На вопросы, могущие служить против других, он прямо отказывается отвечать».

Приговор суда в отношении Баранникова вначале гласил, - смертная казнь. Но царь милостиво заменил ее вечной каторгой, и к этому революционер-террорист готов не был.

Дважды Бога обмануть не удалось. Помещенный в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости, Александр Баранников заболел той самой скоротечной чахоткой, которую он придумал себе годом ранее.

Он скончался 6 августа 1883 года, двадцати пяти лет от роду.

Вера Фигнер, вспоминая свое народо-вольческое прошлое, писала, что если кого-нибудь можно было назвать ангелом мести, так именно Баранникова, а «если бы нужно было дать физическое воплощение террору, то нельзя было сделать лучшего выбора, как взяв образ Баранникова».

Как помещица Лаврениус своё наследство подела

2 сентября 1859 года посредник по межеванию земель Малоархангельского уезда 2-ого участка, надворный советник Леонтьев, собрал на совещание владельцев дачи при селе Покровское (что на реке Липовце). В просторный дом купчихи Вениковой, расположенный в центре Покровского, приехали более трёх десятков земле-владельцев, заинтересованных в том, чтобы уточнить наконец-то границы своих участков.

Современная дача и дача в понимании землевладельцев XIX века – это совершенно разные понятия. Дача при селе Покровское в 1859 году заключалась в 19 697 десятинах земли, принадлежавшей 46 владельцам. Участков же насчитывалось более 80-и, и их хозяева частенько спорили из-за того, кому принадлежит тот или иной отрезок. Много вопросов возникало и при передаче земельных наделов наследникам.

Генерал-майор Александр Дмитриевич Оловеников, майор Михаил Сергеевич Елагин, штабс-ротмистр Фёдор Акимович Мухортов, штабс-капитан Иван Иванович Казин с супругой, майор Николай Петрович Покатилов, штабс-капитан Дмитрий Петрович Чиркин, подпоручик Андрей Андреевич Барков, поручик Дмитрий Александрович Веселов, коллежский регистратор Семён Никифорович Юдин, штабс-капитанша Елизавета Васильевна Мацнева, ротмистрша Екатерина Александровна Репина, коллежский ассессор Пётр Андреевич Казаков, подпоручица Прасковья Фалеева Якушкина и ещё почти два десятка землевладельцев встретились в доме купчихи Вениковой для обсуждения вопроса о подписании акта полюбовного размежевания земель. Приехали сюда и наследники надворной советницы Екатерины Гавриловны Лаврениус.

В середине 40-ых годов XIX века умер в Малоархангельском уезде владелец имения в сельце Черёмухова Плота Иван Гаврилович Лаврениус. Детей у него не было, жена умерла ещё раньше, и имение перешло по наследству к сестре умершего – Екатерине Гавриловне Лаврениус.

Прежде, чем перейти к судьбе этого имения и его владельцев, необходимо сказать несколько слов о населённом пункте «Черёмухова Плота». По сведениям российской статистики, на начало 1866 года, в нём имелось 49 дворов и проживало 574 человека. Рядом располагалось владельческое сельцо Юрьево (11 дворов, 85 жителей). Сельцо Юрьево (чуть позже - деревня) свое название получило от фамилии владельца - Гавриила Юрьева. Ручей, на берегах которого раскинулись Черёмухова Плота и Юрьево, в середине XIX века назывался Черёмуха, а в 1926 году именовался уже как Черёмухова Плота.

В 1880 году деревни Черёмухова Плота и Юрьево упоминались как один населённый пункт под названием «Черёмухова Плота (Юрьевка)». В это время здесь находился центр волости, имелись больница и лавка. В 1926 году в списке населённых пунктов на ручье Черёмухова Плота снова названы две деревни - Юрьево и Веселовка (общее число дворов- 100, а жителей- 515). В 1963 году они были объединены в одну деревню Юрьево, где на 1 января 2005 года проживало всего 25 человек в 13 дворах.

Такая вот история постепенного угасания населённых пунктов на берегах ручья с поэтическим названием.

Но в 1859 году до этого было ещё очень далеко, поскольку только у коллежского ассессора Ивана Гавриловича Юрьево числилась, по восьмой ревизии, в сельце Черёмухова Плота 171 крепостная душа.

Екатерина Гавриловна Лаврениус, принимая наследство в середине сороковых годов, вскоре передала дочери Александре, выходящей замуж, 14 душ крепостных крестьян и 77 десятин земли в качестве приданого. Почти 15 лет имением в Черёмуховой Плите (а оно было достаточно большим) надворная советница Лаврениус управляла сама – и в целом удачно, сделав имение высокодоходным. Хорошие урожаи ржи, пшеницы, посевы конопли, продажа продукции садов, животноводства (здесь разводили овец и лошадей) позволяли владелице ежегодно получать прибыль около тысячи рублей. И если при залоге имения в Московском опекуновском совете в 1834 году оно оценивалось в 12 тысяч рублей, то его стоимость к 1856 году возросла уже до 20 тысяч.

Именно тогда, чувствуя, что самой управлять имением становится тяжело, Екатерина Гавриловна Лаврениус решила отдать его в вечное и потомственное владение своим сыновьям. 1 февраля 1856 года в Орловской палате Гражданского суда помещица Лаврениус подписала акт о передаче имения в Черёмуховой Плите Николаю,

Михаилу и Дмитрию Лаврениусам, разделив своё богатство приблизительно на три равные доли и обговорив в подписанном документе все тонкости раздела.

859 десятин земли, 165 душ крепостных крестьян, сады, лес, хозяйственные строения, хлеб в поле и на гумнах Екатерина Гавриловна умело распределила между сыновьями, стараясь никого ни в чём не ущемить.

Старшему, Николаю Павловичу Лаврениусу, достались 302 десятины земли (удобной и неудобной усадебной, распашной, сенокосной и под лесом) и 7 десятин и 776 квадратных сажений леса. Перешли к нему по наследству 58 дворовых людей и крепостных крестьян, проживавших в десяти дворах. Шесть дворов были расположены по правую сторону речки Черёмуховой Плоты, в даче села Покровское, а четыре - в даче села Верхососенье, по левую сторону этой речки. Из хозяйственных построек Николай Лаврениус стал владельцем двух скотных изб, пластовой овчарни, конюшни, амбара, молотильного сарая, двух овинов и половины конного варка.

Инженер-майору корпуса Путей Сообщения Михаилу Павловичу Лаврениусу мать выделила 276 десятин земли в Покровской и Верхососенской дачах, 53 ревизские души и примерно такое же хозяйственных построек, как и у брата.

Ротмистр 2-ого Сводного Резервного уланского полка Дмитрий Павлович Лаврениус (младший сын, военный, он со своим полком в это время находился в Щиграх Курской губернии) получил в наследство 281 десятину земли и 54 человека дворовых людей и крепостных крестьян. Ему же достались в Верхососенской даче вся господская усадьба с садами, господским домом и господским строением, скотный варок, три амбара, ледник и выход (погреб), старая конюшня и половина молотильного сарая.

У Дмитрия и Михаила лесу оказалось столько же, сколько и у старшего брата - по 7 десятин 776 квадратных сажень. Все трое получили от матери по 533 кв. сажени конопляников и общие для них копани (для замочки конопли). Остатки хлеба, сена и других продуктов от урожая 1855 года, навоз для удобрений полей с господских варков и конюшен братья тоже поделили поровну. Сады при разделе имения оказались лишь у Михаила и Дмитрия, но Николай Лаврениус, старший брат, обделённым себя не чувствовал (земли и душ он получил больше всех, да, кроме того, имел право в течение двух лет выкапывать из садов Дмитрия молодые деревья и кусты,

всего в количестве 500 штук). Первое время братья могли мочить коноплю в общих копанях, но в течение года должны были выкопать их каждый для себя.

Так, согласно раздельному акту от 1 февраля 1856 года, вместо одного владельца поместья в Черёмуховой Плоте их стало трое. Сама же Екатерина Гавриловна от хозяйствования отдалилась, но её имя ещё раз возникло в истории Малоархангельского уезда.

В 1870 году земство приняло решение о создании больниц в уезде. Одна из таких больниц появилась в деревне Черёмухова Плота, где земство купило дом с надворной постройкой и усадьбою за 1750 рублей серебром как раз у госпожи Лаврениус. Так Екатерина Гавриловна рассталась со своей последней собственностью в этом имении.

Земство же на усадьбе надворной советницы построило первую в волости больницу - с аптекою, кухней, погребом, кладовою и ледником. После ремонта всех помещений больница начала приём больных (с февраля 1871 года). Первое время здесь было 12 коек для стационарных больных, но вскоре это число увеличилось до 25.

Михаил Петрович Лаврениус, средний из сыновей, дослужившийся к этому времени до инженер-подполковника, был избран гласным Малоархангельского земства. Именно он добровольно согласился быть техником (наблюдающим) за постройкою больницы, на нужды которой инженер пожертвовал часть своего наследства. Черёмухоплотская больница просуществовала 15 лет - до 1886 года, пока по решению земства не было построено специальное больничное здание в селе Покровское.

Таким образом, начало здравоохранения в нашем крае связано с фамилией не русской, но очень звучной - Лаврениусы. К концу XIX века эта фамилия в списке землевладельцев Покровской волости перестала упоминаться. Как, когда и куда Лаврениусы исчезли, нам ещё предстоит выяснить - но в истории края эти помещики оставили заметный след.

Мацневы – соседи Лутовиновых и Тургеневых

Через поле от большого спасско-лутовиновского пруда и от тургеневского парка находится маленькая деревня. Еще совсем недавно она называлась Мацнева. В наше время этот населенный пункт Спасско-Лутовиновской сельской администрации (Мценского района) именуется деревня Меркулово. В конце XVIII века, в эпоху Генерального межевания (1778-1796 г.г.), прилежавший к ней земельный надел значился за вдовой-майоршей Натальей Михайловной Мацневой, которая, таким образом, была соседкой Лутовиновых.

Многочисленный род Мацневых хорошо знали в Орловской губернии. Эти дворяне были первопоселенцами края, за заслуги в деле защиты которого от врагов русские цари пожаловали им многочисленные имения в нескольких уездах – Малоархангельском, Кромском, Орловском, Мценском и других.

Целых одиннадцать семейств Мацневых значились в «Алфавитном Указателе утвержденных Правительствующим Сенатом дворянских родов, внесенных в Дворянскую родословную книгу Орловской губернии...». Представители этого рода постоянно занимали различные государственные и выборные должности.

В 1813 году, к примеру, малоархангельским предводителем дворянства являлся поручик в отставке Дмитрий Афанасьевич Мацнев, а во Мценске такую же должность занимал капитан флота II ранга Александр Антонович Мацнев. В 1876-1881 годах мценским же уездным предводителем был сын Александра Антоновича – отставной поручик Григорий Александрович Мацнев.

Многим дворянам этого рода присущ был дух благотворительности. Кузьма Мацнев пожертвовал землю и деньги для строительства церкви в селе Покровское (нынешнем райцентре), так же поступил Николай Родионович Мацнев (на его средства построен был храм в селе Троицкое).

Губернский прокурор Мацнев
(портрет художника
Рокотова)

В имениях Леонида Никоноровича и Михаила Михайловича Мацневых появились одни из первых публичных библиотек в Малоархангельском уезде.

С возникновением земства многие Мацневы активно включались в его работу в качестве гласных уездного и губернского уровня. В общем, деятельность этого рода в губернии была обширна, многообразна и достойна большой научной статьи.

Но мы ограничимся рассказом о представителях только одной семьи, к которой принадлежала названная нами в самом начале Наталья Михайловна Мацнева. Уж больно любопытной оказалась она фигурой в истории Орловщины.

Ее свекор, С.Т. Мацнев, основатель семьи, стал одним из персонажей книги А.К. Юрасовского «Былые чудачки в Орловской губернии».

Вот что сказано о нем в книге: «Он служил секретарем в Орловской провинциальной канцелярии, затем вышел в отставку и принял-ся хозяйничать; и за несколько лет нажил и заработал так, что имел более шести тысяч душ и лесную дачу в восемнадцать тысяч десятин... Помещики называли его «хлебной маткою».

Сам он, при всем богатстве, по внешности не отличался ничем от своего мужика. Ходил в лаптях и простом мужицком наряде, ел на деревянных тарелках и деревянными ложками, и больше от скупости, морил себя голодом... Нравственности он был невысокой, со всеми ссорился и притеснял соседей. Все его богатство не пошло впрок! Был у него один сын, но и тот при нем умер...».

Вот за этим сыном, Михаилом Мацневым, военным, и была замужем Наталья Михайловна. Служба у мужа шла успешно, до майора уже дослужился, да смерть внезапно карьере его оборвала.

После смерти Михаила Мацнева, а следом за ним и свекора – достались вдове-майорше несколько имений. Одно из них мы уже называли – деревня по соседству со Спасским.

Однако это владение помещицы не было основным.

Недавно, в фонде №6 Государственного Архива Орловской области (документы Орловской палаты гражданского суда) мне удалось найти «Дело по прошению помещицы Мацневой Н.М.», в котором сама вдова-майорша перечислила, что же ей принадлежало уже в другом месте: «...Состоит за мною недвижимое имение с людьми и со крестьяны, которые по нынешней пятой ревизии, написаны за мною Орловского наместничества Мценской округи, в селе Большом Столбцеком – 257 душ, в сельце Толстом – 139, в деревнях Вышней Столбечкой – 180 и Козловке – 41, всего 617 душ...»

(Тут я сделаю необходимое примечание. В конце XVIII века эта самая Мценская округа была обширной территориальной единицей, включавшей в себя населенные пункты, которые входят ныне в состав разных районов Орловской области. Названные помещицей Мацневой село Большое Столбцкое – или просто Столбцкое, сельцо Толстое, деревня Вышне-Столбцкое и деревня Козловка – это селения современного Покровского района, находящиеся неподалеку друг от друга, а первые три – так вообще входят в Столбецкую сельскую администрацию – А.П.)

Что самое удивительное – Наталья, Михайлова дочь, Мацнева, с этим своим «недвижимым имением» опять оказалась соседкой Лутовиновых, которым принадлежала (частично) деревня Столбечкая (в 1855 году, при разделе имений В.П. Лутовиновой между Николаем и Иваном Тургеневыми, она отошла к Николаю Сергеевичу – А.П.)

Нам не удалось найти сведений о хозяйственной деятельности Натальи Михайловны, но, по всей видимости, эта деятельность не была успешной, поскольку вдова-майорша (судя по известным нам документам) постоянно продавала принадлежащих ей дворовых людей и крестьян.

В том же деле № 2167 из фонда 6 ГАОО имеется купчая от 9 апреля 1796 года, по которой Н.М. Мацнева продала пяти разным помещикам 18 душ своих крепостных за общую сумму в 140 рублей.

А еще через пять лет вдова-майорша осуществила ту самую продажу, благодаря которой ее имя впервые попало на глаза историкам. Второго декабря 1801 года Наталья Михайловна за 600 рублей ассигнациями продала тульскому помещику Василию Шатилову (тоже известная личность – А.П.) двенадцать своих человек. Был среди них будущий выдающийся русский скульптор Борис Орловский, которому исполнилось на тот момент 10 лет.

Большая, в семь человек, семья его отца Ивана Смирнова, составила тогда основную часть сделки помещицы.

Вот так, просто продавая, причем людей, можно иногда попасть в историю (особенно российскую – А.П.). Дважды соседка и продавщица передала свои имения по наследству сыну – Николаю Михайловичу Мацневу.

Тургеневед Николай Чернов в своей книге «Дворянские гнезда вокруг Тургенева» сообщил о нем: «...губернский прокурор, красавчик, повеса и мот...».

Да, забравшийся на довольно высокую должность, внук хлебного спекулянта, даже женившись на аристократке, фрейлине Варваре Ланской, родной сестре фаворита Екатерины II, начал понемногу «спускать» свое и женино состояние.

Мы нашли подтверждение этому опять-таки в деле № 2167 фонда 6, где приводится следующий факт.

Николай Михайлович Мацнев (пытаясь, наверное, походить на деда – «хлебную матку») взял подряд на поставку муки из своего имения в Санкт-Петербургские запасные магазины. Поручителем в этой сделке выступили мать – Н.М. Мацнева и близкий родственник – А.С. Мацнев.

Однако, получив за предполагаемую поставку семи тысяч кулей муки 11200 рублей, Николай Мацнев деньги истратил, а санкт-петербургские магазины так ничего от него и не получили.

Чтобы данную неустойку погасить, губернский прокурор был вынужден продать с аукциона принадлежавшую ему деревню Грязное (она находится на территории Покровского района – А.П.) за 12400 рублей, большая часть которых и пошла на уплату долга.

Внук Николая Михайловича, Михаил Михайлович Мацнев (четвертый, как он значится во многих документах), отличился еще больше. О его деле, также хранящемся в ГАОО («Дело о предании суду», Фонд 4, ед.хр. 3073) стало известно не только всей читающей России, но и Европе, поскольку о зверствах малоархангельского помещика Мацнева развонил герценовский «Колокол».

Тянувшееся несколько лет, дело это, в конце концов, дошло до императора, и последовал высочайший Указ об аресте помещика и предании его суду за жестокое обращение с крестьянами.

В ходе судебного следствия выяснились такие чудовищные факты, что М.М. Мацнев был лишен всех прав состояния, имение у

него было отобрано и передано в опеку, а самого садиста-помещика сослали в Сибирь, где он и скончался.

Последний из этого семейства Мацневых, тоже Михаил Михайлович (пятый), получивший после достижения совершеннолетия отобранное у отца имение, вел жизнь добропорядочную и достойную, избирался земским гласным и делал все, чтобы загладить грехи своего отца-изверга.

В 1917 году ему исполнилось 57 лет, и о его послереволюционной судьбе у нас сведений нет. Как нет сведений и о его потомках.

Такую вот историю я рассказал тебе, читатель, всего лишь об одной семье Мацневых.

А ведь были еще десять!

Рассказ об Иване Ивановиче и Варваре Петровне

*Иван Иванович
Лутовинов*

Любой читатель и почитатель Ивана Сергеевича Тургенева, даже поверхностно знакомый с биографией писателя, наверняка слышал или читал, что мать его, Варвара Петровна Лутовинова, была одной из богатейших помещиц России. Ей принадлежали многочисленные имения в нескольких губерниях империи. А вот о том, как и когда начинало складываться это богатство, нам недавно удалось достаточно подробно выяснить с помощью одного архивного дела, извлеченного на свет Божий из фонда № 6 Государственного Архива Орловской области.

В этом фонде сосредоточены многочисленные дела, рассматривавшиеся в Орловской палате гражданского суда, в том числе и по таким деликатным вопросам, как наследование.

Обычно, когда прямых наследников у почивших не оставалось, а завещание отсутствовало, дело рассматривалось в судах, и процедура эта могла занять достаточно долгий срок.

Единица хранения № 2056 фонда 6 ГАОО называется «Дело об отказе за помещицу Лутовинову В.П., после смерти родных, имений в разных уездах». Начато оно 11 декабря 1795, а окончено 31 мая 1810 года, т.е. тянулось почти 15 лет, превратившись, в конце концов, в огромный фолиант журнального формата, объемом 920 страниц и толщиной в десять сантиметров (из него трудно по этой причине делать выписки – А.П.)

Суть же дела такова. В конце 80-х – первой половине 90-х годов XVIII века умерли один за другим, не оставив прямых наследников и завещаний, сразу несколько представителей рода Лутовиновых –

Петр Иванович, Алексей Иванович, Дарья Ивановна (в замужестве – Ренова), Екатерина Игнатьевна (в замужестве – Неплюева) и ее дочь Анна Семеновна Неплюева.

Претендентов на наследство оказалось несколько, но главными, согласно законам Российской империи (преимущество отдавалось представителям по мужской линии), стали Иван Иванович Лутовинов и его племянница, дочь умершего родного брата Петра Ивановича – девица Варвара Петровна Лутовинова.

Пока Варвара была несовершеннолетней, ее интересы в борьбе за наследство выражали опекуны, и они с Иваном Ивановичем затеяли многочисленные тяжбы в разных уездных и губернских судах. Однако ни одна сторона за годы, пока тянулось дело, так и не сумела добиться победы или хотя бы преимущества.

Но, достигнув совершеннолетия, Варвара Лутовинова, взяла решение наследственного вопроса в свои руки и сумела договориться с родным дядей о том, на каких условиях они поделят между собою спорное имущество.

14 декабря 1809 года в Орловской палате гражданского суда Иван Иванович и Варвара Петровна подписали раздельный акт (в деле № 2056 это листы 429 – 439 или 20 страниц большого формата).

Основные положения раздельного акта (документа, который открыт нами для научного оборота и изучения другими исследователями) мы перечислим подробно, поскольку в нем содержатся важные сведения имущественного характера.

Начнем с цитаты. «...По взаимному нашему друг друга родственному благорасположению, желая обоюдно пользоваться на будущие времена спокойствием и безтяжебной жизнью, все вышеозначенные дела об оставшихся нам в наследство... и производимые по оным споры навсегда прекращаем, а потому все значущие по предсказанным делам движимыя и недвижимыя имения добровольно и полюбовно разделили на следующем положении...».

А далее дядя и племянница перечислили десять пунктов, которые составили главное содержание раздельного акта. Пункты эти достаточно обширны, подробны – и по этой причине мы извлечем из них только самую суть.

В *первом* названы все имения, которые отошли к Варваре Петровне Лутовиновой от полковницы Катерины Игнатьевны и дочери ее Анны Семеновны Неплюевых, от бригадира Алексея Ивановича Лутовинова и от поручицы Ольги Ивановны Реновой.

Вот эти имения. В Тульской губернии, в Новосильском уезде – деревня Любовиша; в Ефремовском уезде – село Ситово, село Троицкое (Медвежки тож), деревня Яблоново; в Орловской губернии, Болховском уезде – деревни Дичкова и Малый Синей; в Курской губернии, в Курском уезде – деревня Боева, что на Обмети; в Вологодской губернии, в Кадниковском уезде – деревни Турова, Нидеева, Комарова, Алферовская, Михалёва.

Общее число дворовых людей и крестьян мужского пола в этих имениях составило 374 человека.

Во втором пункте раздельного акта содержатся данные об имениях, отошедших к Ивану Ивановичу Лутовинову от тех же Катерины Игнатьевны и Анны Семеновны Неплюевых, Алексея Ивановича Лутовинова, Ольги Ивановны Реновой, а также от Дарьи Ивановны и Ивана Рыкачёва. В Орловской губернии, во Мценском уезде – в селе Никольском (Сычово тож), в деревне Оптушке, в сельце Долгом, что на Долгом Колодезе, в трети села Спасского; в Малоархангельском уезде – полдеревни Столбецкой; в Елецком уезде – в селе Тербунах; в Тульской губернии, в Чернском уезде – деревня Борзенки, в деревнях Большой и Малой Кондауровой, Дьяковой, Канищевой и Больших Кретах; в деревне Голоплеки и деревне Семендяевой; в Ефремовском уезде – в сельце Меньшем Кадном (с землями – в селе Кадном, сельцах Большом и Меньшем Кадном, в селе Остропятах, в сельце Остропятах, Житки тож); в селе Никольском (Машиново тож).

Всего в имениях этих у Ивана Ивановича Лутовинова оказалось 478 душ дворовых и крестьян мужского пола.

Поскольку имений и крепостных людей у дяди оказалось больше, чем у племянницы, Иван Лутовинов – в сравнение доли наследства – заплатил Варваре Петровне 35 тысяч рублей ассигнациями.

В пункте третьем племянница обещала таким разделом имений «быть навсегда довольною и в дополнение оного ничего от него, дяди... никогда не требовать и потом на него нигде ни под каким видом и предлогом не просить...», а дядя, в свою очередь, обещал то же самое.

В четвертом пункте стороны договорились о том, кому достанется озимый хлеб в разделенных имениях (тому, чье теперь имение), а насчет ярового хлеба на весну 1810 года Иван Иванович пообещал племяннице для посева столько семян, сколько обычно засевалось их до этого.

В пункте пятом был разрешен вопрос о тех крепостных женщинах, кто до подписания раздельного акта вышел замуж в другие селения, и о беглых крестьянах.

В шестом и седьмом пунктах возник вопрос о возможности защиты своих интересов в том случае, если вдруг появятся неизвестные на момент подписания иски.

Из пункта *восьмого* мы узнали о том, что в раздел не были включены два московских деревянных дома. Первый из них, находившийся за Пречистенскими воротами, за Земляным городом, в приходе церкви Неопалимая Купина (что слывет в Старой Конюшенной) принадлежал Катерине Игнатьевне Неплюевой и ее дочери Анне Семеновне Неплюевой. Второй остался от покойной Ольги Ивановны Реновой и располагался в Яузской части, в приходе Воскресения, в Барашах, в Барашевском переулке. Дядя с племянницей договорились оба дома продать, а полученные деньги поделить пополам.

Завершая текст раздельного акта, стороны пообещали: «сию учиненную нами, Иваном и Варварою Лутовиновыми, добровольную мировую и раздельную запись содержать нам и наследникам нашим навсегда свято и ненарушимо, и ни чем и ни под каким видом не опорачивать и не опровергать...». Нарушившие же это обещание подверглись бы штрафу в 50 000 рублей.

Раздельный акт подписали сами договорившиеся – Иван Иванович и Варвара Петровна, в присутствии десяти свидетелей – Ивана Климентьевича Андрузского, Евграфа Алексеевича Володимерова, Николая Петровича Андреенова, Андрея Андреевича Глазунова, Петра Федоровича Бородина, Матвея Максимовича Михайлова, Николая Васильевича Осипова, Николая Васильевича Константинова и Николая Ивановича Ададурова (я опустил их чины, а они названы в документе).

Свидетели подтвердили, что Варвара Лутовинова при подписании раздельного акта получила от дяди 35 000 рублей.

В конце документа названы еще две интересных фамилии: «сию запись писал коллежский секретарь Василий Грановский, на листах скрепил секретарь Тимофей Грановский» - это родственники нашего земляка-историка.

Так, на законных основаниях и «полюбовно», мать Ивана Сергеевича Тургенева получила имущества своих умерших родственников, а спустя еще четыре года, когда умер уже и дядя, ей достались и все названные за ним в упомянутом нами документе владения.

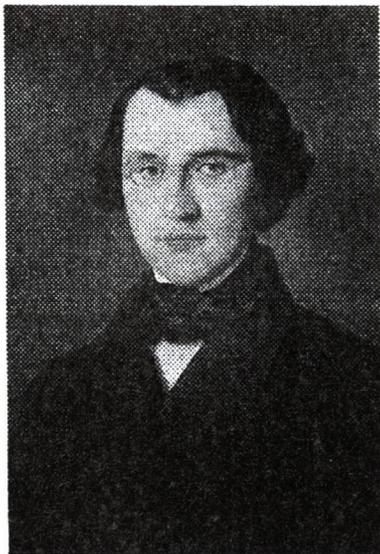
Хотя еще долго потом тетки Варвары, сестры умершего Ивана Ивановича Лутовинова, пытались оспаривать это, но судебные власти были на стороне бывшей сироты, ставшей одной из богатейших помещиц России.

О писателе Тургеневе, нигилисте Базарове и одном малоизвестном персонаже

Знаешь ли ты, читатель, кто такой Виктор Якушкин? Нет? (Замечу при этом, что гораздо известнее было имя его старшего брата Павла, популярного в 50-60-ые годы XIX века писателя-этнографа и фольклориста – А.П.). А слышал ли ты, читатель, о Евгении Базарове? Уверен, - почти наверняка! А между тем, два этих человека неотделимы друг от друга, хотя первый был реальным историческим лицом, а другой - всего лишь литературный персонаж.

Виктор Иванович Якушкин родился 3 мая 1829 года в сельце Сабурово, Малоархангельского уезда Орловской губернии, в имении своего отца, отставного гвардии подпоручика, Ивана Андреевича Якушкина.

Род Якушкиных – один из известных дворянских родов России, внесённый в 6-ую часть дворянской родословной книги Смоленской губернии и ведущий начало от польского шляхтича Фёдора-Яна Ольговича Янушевского, который выехал в Россию в 1421 году (сведения московского исследователя А.И.Баландина, автора книги «П.И.Якушкин», вышедшей в издательстве «Наука» в 1969 году – А.П.). Отставной капитан Семён Андреевич Якушкин, узнав, что орловский помещик, граф С.М. Каменский, скупает по всей России музыкантов, певчих и актёров, предложил ему двадцать дворовых музыкантов за 40 тысяч рублей. «На эти деньги,- пишет

Иван Сергеевич Тургенев

А.И.Баландин, - он купил у графа имение Сабурово, расположенное в 70 километрах от Орла» (прошу не путать с другим, более известным селом Сабурово, расположенным неподалёку от Орла – А.П.).

Когда в 1813 году Семён Андреевич умер, сельцо Сабурово перешло по наследству к его младшему брату Ивану. Иван Андреевич, прослуживший шесть лет в гвардии и ушедший в 1781 году в отставку «за болезнями», к этому времени много лет уже жил холостяком. Наследство стало для него неожиданным и головокружительным подарком. Старый холостяк поселился в Сабурово и, по словам того же Баландина, вначале «повёл праздную, разгульную жизнь».

Но внезапно произошло то, чего никак не ожидали от отставного подпоручика ни его соседи-помещики, ни он сам: 65-летний ловелас в первый раз в жизни влюбился! И в кого? В свою дворовую девку Прасковью. В веке XIX-ом связи помещиков со своими крепостными не были чем-то необычным. И потому, пока Иван Андреевич Якушкин жил с красивой молодой крестьянкой гражданским браком, соседи, хотя и осуждали его за несоблюдение правил поведения дворянина, но смотрели на это довольно снисходительно: у многих из них имелись подобные же грешки.

Три сына родились один за другим у помещика и дворовой девушки (в том числе и Павел – будущий известный писатель и фольклорист), беременна была Прасковья уже и в четвёртый раз, когда вдруг пронёсся по окрестным имениям слух: собирается венчаться Иван Андреевич Якушкин на своей любовнице. Ох, сколько тогда стрел по бедному Ивану Андреевичу выпущено было дворянами Малоархангельского уезда, особенно соседями, хорошо знавшими всю ситуацию!

Но не поддался Якушкин ни на уговоры, ни на угрозы Дворянского собрания – довёл начатое дело до конца.

В фонде 68 Государственного Архива Орловской области (фонд Дворянского депутатского собрания – А.П.) пару лет назад обнаружил я документ, из которого узнал следующее: 5 апреля 1825 года в Троицкой церкви села Липовец (Малоархангельского уезда Орловской губернии) были повенчаны и стали законными мужем и женой 70-летний помещик, владелец имения в сельце Сабурово, Иван Андреевич Якушкин и его дворовая девка, 20-летняя Прасковья Фалалеевна, бывшая на восьмом месяце беременности. Родившегося вскоре четвёртого сына молодожёны назвали Николаем, и у него, в отличие от первых трёх братьев, имелись законные основания считаться дворянином.

Следом за ним, но уже в 1829 году появился и наш герой – Виктор, пятый из сыновей Ивана Андреевич Якушкина. Но были потом ещё и шестой – Семён, и дочь Наталья, ставшая седьмым и – последним – ребёнком большой семьи Якушкиных. Отцу семейства исполнилось в тот год 76, а матери -26 лет. Шесть сыновей и, наконец-то, долгожданная дочь – теперь Иван Андреевич мог считать свою родительскую миссию выполненной.

Он скончался в 1832 году, оставив молодой жене, кроме несовершеннолетних детей, чуть более тысячи десятин земли, конный и кирпичный заводы, маслобойню, конопляники и рыбную ловлю в запруженном рядом пруде. Просторные хозяйственные постройки из камня-известняка собственной каменоломни (конюшня, скотный двор, овин, подвалы) дополняли добротность доставшегося бывшей дворовой девке Прасковье Фалалеевой наследства.

Один из биографов Павла Якушкина, его товарищ и хороший знакомый семьи, С.В.Максимов, писал, что мать Якушкина пользовалась «общим, глубоким уважением, внушаемым её бесконечной добротой, светлым умом и сердечностью». Эти положительные качества дополнялись тактом опытной хозяйки: молодая вдова не промотала полученное от мужа богатство, а постаралась использовать его для того, чтобы дать образование детям. Все шесть сыновей закончили Орловскую мужскую гимназию, двое затем (Александр и Павел) поступили в университет, а Виктор – в Медико-хирургическую академию в Петербурге.

Однако Виктор далеко не сразу определил свою дорогу в жизни. Долгое время сильное влияние на него оказывал старший брат Павел. И когда, к примеру, летом 1843 года студент Московского университета Павел Якушкин, уже увлечённый устной народной поэзией, приехал в родной Малоархангельский уезд в свою первую песенную экспедицию вместе с двумя друзьями, то к ним присоединился и 14-летний гимназист Виктор Якушкин. Эта экспедиция была одной из самых плодотворных – собиратели записали от крестьян не менее 11 тетрадей песен, легенд и сказаний (9 тетрадей сохранились, и на самой первой из них, песни в которой были записаны от крестьян сельца Сабурово, сохранилась подпись Виктора Якушкина, возможно, как собирателя или переписчика текстов – А.П.).

В 1850-ые годы, когда Виктор Якушкин уже обучался в Петербургской Медико-хирургической академии, он тесно общался с многими членами редакции очень популярного в то время сатири-

ческого журнала «Искра», поскольку его товарищем по академии был Н.С.Курочкин – родной брат известного поэта и переводчика Василия Курочкина, который, к тому же, являлся и редактором этого журнала.

После получения диплома в 1854 году Виктор Иванович начал работать в Мценском уезде, где за короткое время успел приобрести среди местного крестьянства большую популярность как опытный и бесплатный врач. Здесь же судьба свела его со своей родственницей, племянницей И.Д.Якушкина, Елизаветой Мардарьевной Милюковой, владевшей имением в селе Старухино, в семи верстах от тургеневского Спасского-Лутовинова. Виктор Иванович и Елизавета Мардарьевна поженились, и он поселился в её доме.

Иван Сергеевич Тургенев, как сосед, довольно близко познакомился с супругами и периодически общался с ними. Тогда-то, видимо, писатель узнал, что оригинальное мировоззрение врача «зацепило» местное

дворянское общество, в среде которого вскоре сформировалось мнение, что новый доктор – атеист и смутьян. Для Тургенева такие разговоры вокруг Якушкина послужили толчком к созданию образа того самого «героя нового времени», нигилиста Евгения Базарова (сам Иван Сергеевич позже, в одной из статей, писал, что никогда не покушался создавать образ, если не имел перед собой живого лица, а что касается Базарова, то Тургенев сообщил: отправной точкой послужила ему поразившая его личность молодого провинциального врача – такое выска-

Место, где находился хутор Базарова

звание приводит известный тургениевед Н.М.Чернов, который называет, впрочем, и еще одного кандидата на роль прототипа Базарова – А.П.)

В 1858-1861г.г. Виктор Якушкин уезжал за границу, чтобы «совершенствоваться в науках», а возвратившись на родину, продолжил врачебную практику, вскоре показавшую, что он стал ещё более искусным специалистом. В августе 1861 года Якушкин посетил Спасское-Лутовиново, где врач и писатель встретились после долгого перерыва и вдоволь наговорились как о российской общественно-политической жизни, так и о литературе. Кто знает, может быть, кроме разговора об Артуре Бенни, чьё письмо передал хозяину усадьбы Якушкин, и зашла речь у них о новом романе Тургенева «Отцы и дети», первая редакция которого за две недели до этого была подготовлена автором к передаче в редакцию журнала «Русский вестник».

Роман, после переделки его автором, вышел в свет в 1862 году и вызвал большой общественный резонанс, а имя главного его героя стало фактически нарицательным – для обозначения целой категории людей того и последующих периодов в истории российского общества. Один же из прототипов Базарова – уездный врач Виктор Якушкин, начав вскоре испытывать проблемы со здоровьем, выехал за границу на лечение.

К сожалению, итальянские курорты не помогли, и в 1872 году, в возрасте всего лишь 43 лет, Виктор Иванович скончался в Риме от туберкулёза. Где могила Якушкина – теперь никто уже не знает, но о себе земский врач оставил добрую память – и у лечившихся у него крестьян, и у горячо любившей его жены, и у родственников, и в истории русского литературоведения.

Р. С. В самом начале 20-ых годов XX века, на территории всё ещё существовавшего Малоархангельского уезда, (в той его части, что сейчас относится к Покровскому району – А.П.) в числе других населённых пунктов, наряду с деревней Сабуровой, родиной Якушкиных, значился и хутор Базарова. Стоял он на речке Туровке, в шести километрах от села Вязовое. На хуторе имелся единственный дом, в котором проживало девять человек. Что это была за семья, выяснить мне не удалось, поскольку уже при переписи населения по Дросковскому району ЦЧО в 1932 году хутор не значился в списке селений края. Он исчез, растворился во времени и пространстве вместе с его обитателями. Вполне вероятно, Базаровы не вынесли

развернувшейся в крае в это время массовой коллективизации и, может быть, просто уехали – туда, где они не были бы так заметны, как на своём хуторе. А может быть, их репрессировали. Впрочем, что гадать? Всё равно Базаровы остались: один, Евгений – в литературе, другие, безымянные – в списках населённых пунктов.

Когда осенью этого года я добрался, наконец-то, до верховья речки Туровки, где стоял когда-то хутор Базарова, и осмотрел местность, то увидел, что даже спустя 80 лет после исхода отсюда последних обитателей следы их деятельности здесь всё ещё заметны. Наверное, правы те, кто утверждает: ничто не проходит бесследно! Так ведь, читатель?

Просто – иногда – надо чуть внимательнее, пристальнее и зорче всматриваться в далёкие горизонты.

Пруд помещика Акатова (по ком звонил «Колокол»)

Несколько лет тому назад, во время одного из походов по Покровскому району, довелось мне с моими ребятами-туристами остановиться на отдых и ночевку на берегу пруда в деревне Грязное (подчеркну, что ударение в названии деревни – на втором слове – А.П.). Очень понравилось нам это место: обширный водоем, окаймленный небольшим лесом, красивая поляна на краю этого леса (здесь мы и расположились), родник с вкуснейшей водой – все это способствовало нашему полноценному отдыху после тяжелого двадцатикилометрового пешего перехода в сильнейшую жару.

Когда на следующий день мы с сожалением покидали Грязновский пруд, то столкнулись нос к носу с небольшим коровьим стадом, которое пас неподалеку от лесочка заросший грязно-серой щетиной мужичонка в рваном картузе и резиновых сапогах.

Мы с ним вежливо поздоровались и, желая доставить приятное местному жителю, сказали: «Красивый у вас тут пруд!»

«Да?» - недоверчиво хмыкнул пастух. «Не знаю, не знаю, что тут красивого, вот в Акатове пруд – покрасивше будет».

Я заинтересовался: «А где это – Акатово? Далеко?»

«Да не», - мужичок щелкнул кнутом, показывая искусство на зазевавшемся молодом бычке, - километра два отсудова, но сами вы не найдете. Вот в конце дороги дом стоит, там дед Ребров живет, договоритесь с ним – он вам дорогу к пруду и покажет».

Вообще-то наш путь лежал несколько в другую сторону, но ради того, чтобы увидеть новую красоту, мы решили сделать крюк в несколько километров.

Александр Васильевич Ребров оказался крепким, невысокого роста седым дедком, очень приветливым и улыбчивым. Он согласился не только показать нам дорогу к Акатовскому пруду, но и проводил нас до него.

Пока мы неторопливо, по заросшей луговой травой дорожке, продвигались по направлению к нашему объекту, ветеран успел рассказать многое – и о себе, и о местности, где он жил с рождения.

«Давным-давно, даже не до революции, а еще раньше – в XIX веке жил в Грязном помещик Акатов. Злой был, как черт. Может быть, потому, что со службы военной его выгнали, а, может, потому, что неженатый был и все женское сословие ненавидел, - кто его знает, но добра от него никто не видел.

Зато помешан был на всем английском. Одежду себе из Англии выписал, собак английских держал и парк по английскому образцу решил посадить. Прислали ему из столицы множество деревьев иностранных, а с ними и англичанин-садовник прибыл. Всех крепостных согнал Акатов на посадку – и целую неделю под присмотром англичанина они парк разбивали. Удивлялись местные крестьяне – таких деревьев отродясь в наших краях не было.

А какой парк без пруда? И потому помещик вскоре мужиков своих и наемных пригнал к выбранному им месту (как раз посередине большого оврага, по самому дну которого тек ручей) и приказал насыпать плотину. Летом ее делать начали и к ноябрю только закончили.

Хорошая получилась плотина. Чтобы весной ее не срывало, по всей длине ракиты были посажены. Целый год заполнялась плотина водой, но Акатову этого показалось мало, и он приказал своим мужикам еще одну запруду сделать – выше по течению, чтоб вода из нее падала в первую, как с водопада.

Еще год прошел – уже две плотины украсили усадьбу Акатовскую, деревья подросли, и помещик гостей начал к себе приглашать, хвастался тем, что сделал.

Но и этого ему показалось мало, не успокоился Акатов, и на большом пруду, метрах в 50 от берега, по его приказу насыпали мужики остров, на вершине которого построена была беседка, и в ней, осматривая созданные по его распоряжению красоты, любил отдыхать Акатов.

Но добрее после всех этих строительства помещик не стал, наоборот, увидит кого-то в своем любимом саду или на прудах – сразу руки распускает. Особенно баб обижал. То за волосы их оттаскает, то розгами высечет, то по щекам бьет, а однажды избил палкой беременную крестьянку, которая вскоре родила мертвого ребенка, а потом и сама умерла.

Мужиков Акатов бить не осмеливался, зато частенько ссылал их в Сибирь, чтоб с бабами легче можно было справиться.

В конце концов, крестьяне его не выдержали, письмо с жалобой в Орел, губернатору, написали. И через несколько недель губернская комиссия приезжала в имение, разбиралась долго, но Акатов большую взятку чиновникам дал, и они уехали, ничего «не найдя».

После отъезда комиссии помещик еще злее стал и многих крестьянок избил, а пятерых мужиков в рекруты сослал – за неподчинение.

Только спустя год после этого уже другая комиссия – из Петербурга, снова проверяла Акатова, его арестовали и отправили в Орловскую тюрьму. Такую вот историю мне отец мой, Василий Иванович рассказывал – а ему дед, он-то сам в имении Акатова и сад сажал, и пруды насыпал, и ухаживал потом за ними», - закончил рассказ Александр Васильевич Ребров.

К этому времени мы как раз и дошли до бывшей усадьбы Акатова. Самого помещичьего дома, конечно, уже давным-давно нет. Его частично разграбили, частично уничтожили грязновские крестьяне сразу после революции.

А вот остатки парка (он, кстати, до сих пор называется Аглицким) отлично сохранились, хотя деревья теперь здесь, в основном, местных пород. Мы с ребятами облазали берега прудов – и верхнего, из которого по-прежнему каскадом падает с двухметровой высоты вода, и нижнего, плотина которого сильно заросла, но все еще крепка и основательна.

На левой стороне Большого Акатовского пруда нашли мы через полчаса и тот самый остров для бесед. Он зарос уже многолетними деревьями, его весь изрыли норами живущие здесь бобры, - но он существует. И даже дорожка на остров с берега, хотя и полузатоплена, но тоже хорошо видна.

Нашли мы и длинную, ровную, хорошо видную в парковых зарослях дорогу, которая когда-то вела от «большака» к Акатовской усадьбе.

Мы засняли и пруды, и парк на фото и видеопленку и покинули это красивое, исторически известное местным жителям место.

Уже в ходе и самого рассказа Александра Васильевича Реброва, а потом и обследования помещичьей усадьбы меня не покидало чувство, что фамилия Акатов и вся эта история почему-то уже смутно знакомы мне.

Целых полгода я пытался отыскать реальные следы событий, о которых мне поведал грязновский старожил.

И вот, просматривая однажды свои старые записи, натолкнулся на выписку из журнала «Колокол», который выпускал А.И. Герцен за границей: «Орловский помещик Акатов неистовствовал много лет в имении Грязном. За три года до смерти засек беременную женщину. Бедный священник не согласился хоронить ее и назвал убийцу, который, по решению Орловского депутатского собрания, виновным не оказался, но признан недостойным дворянином, выезд ему запрещен, но он и не приезжал сюда» (1860 год, 1 декабря, № 86).

Когда я попытался найти сведения об этом помещике в документах Государственного Архива Орловской области, мне это удалось не сразу – зато велика была радость от того, что практически все, что рассказывал нам когда-то грязновский ветеран Александр Васильевич Ребров, оказалось правдой.

В фонде №4 («Орловское губернское правление») я обнаружил «Дело о передаче в опеку имения малоархангельского помещика Окатова (здесь его фамилия писалась через букву «О» - А.П.) за жестокое обращение с крестьянами».

Дело было начато 13 июля 1856 года, когда орловский губернский предводитель дворянства обратился к орловскому гражданскому губернатору с заявлением, что «помещик, капитан Окатов, обращается очень строго с крепостными людьми и что во время уборки сена в саду Окатов два раза ударил палкою беременную женщину, бывшую на сносях, которая после этого через 5 дней родила и умерла скоропостижно»; кроме того, он «за маловажный проступок остриг волосы на голове крепостной женщины».

Штаб-офицер корпуса жандармов Житков и чиновник особых поручений Куцев 4 сентября 1856 года допросили капитана Александра Борисовича Окатова.

На допросе выяснилось, что он родился и крестился в г. Ельце, что он – из дворян, ему 40 лет, не женат. Допрашиваемый рассказал, что находился в военной службе в Драгунском Его Императорского Высочества наследника Цесаревича Полку, что ныне Лейб.-Драгунский Его Императорского Величества полк.

С гордостью Окатов сообщил Житкову и Куцеву, что он дважды удостоивался Высочайшего благоволения от Императора – за учение и маневры при селе Бородине в 1837 году и в Москве в 1841-ом.

Помещик поведал, что имение ему самому пока не выделено, он после отставки поселился в сельце Грязном, где проживает в доме отца и управляет по доверенности его имением.

Все разбирательство по «Делу» тянулось почти пять лет и, в конце концов, Александра Окатова просто «отстранили от управления имением», передав это имение в опеку.

785 страниц огромного дела, - и такой результат по отношению к помещику, по вине которого погибла женщина, на совести которого имелось и множество других злоупотреблений.

По всей видимости, не захотели орловские помещики бросить в беде «своего», пусть и не слишком человеческого, но коллегу-дворянина. Некоторое время Александр Окатов, отстраненный от управления имением, жил где-то в другом месте. Но уже через два года самовольно вернулся и снова стал хозяйничать в Грязном (в деле есть повторная жалоба крестьян на его самоуправство).

Каким стал последний период его жизни – мы не знаем.

Одно точно. У грязновских крестьян и их потомков недобрую память о себе Окатов оставил на долгие годы – ведь мне историю о «злодее-помещике» пересказал правнук одного из крепостных его крестьян.

Несколько лет назад скончался в Грязном Александр Васильевич Ребров, а вместе с ним умерла и та часть деревни, что была ближней к бывшему окатовскому имению. Некому уже рассказывать историю о сумасбродном и жестоком помещике – англофиле.

А вот Окатовские пруды, самые старые в нашем районе, все еще существуют, хотя на них уже много раз покушались местные браконьеры.

Дмитрий Чиркин – герой Отечественной войны

1 февраля 1833 года в Орловское Дворянское Депутатское собрание обратился с прошением Малоархангельский помещик, владелец имения в деревне Тетерье, штабс-капитан Дмитрий Петрович Чиркин.

Являясь опекуном малолетних детей умершего своего соседа, гвардии подпоручика Ивана Андреевича Якушкина, Чиркин в обращении пояснил, что «дети господина Якушкина еще не значатся в Дворянской Родословной книге», и он просил Дворянское Собрание внести их туда.

К прошению штабс-капитан приложил выписки из документов, имевших отношение как к своему дворянскому роду, так и к роду соседа.

Именно из этих документов я и узнал о человеке, доселе мне не известном, одном из тех, о ком говорят – «Слава и гордость нашего Отечества!».

Когда 17 января 1819 года штабс-капитан Чиркин – «за болезнию и по особенному высочайшему же повелению», с позволением носить мундир по отставке, уходил с воинской службы, генерал от инфантерии, Главнокомандующий 1-ой Армией и разных орденов кавалер барон Сакен выдал ему документ (что-то вроде послужного списка), в котором сжато перечислил военные заслуги Дмитрия Петровича.

Честно говоря, меня его биография поразила. Немногие из наших земляков-орловчан могли бы похвастаться участием почти во всех основных сражениях не только 1812 года, но и в заграничных походах русской армии 1813-1815 годов.

Начав службу в октябре 1809 года колонновожатым (Дмитрию Чиркину тогда исполнилось только-только 15 лет, и этот унтер-офицерский чин был у него подготовительным перед сдачей экзаменов на офицерский – А.П.), он встретил Отечественную войну 18-летним прапорщиком.

Отступая от границы в составе 2-ой армии П.И. Багратиона, уже 11 июля 1812 года Петр Чиркин участвует в многочасовом бою корпуса генерала Н.Н. Раевского с войсками маршала Даву у деревни Салтановка (южнее Могилева). Благодаря героизму самого генерала Раевского и его воинов армия Багратиона смогла успешно переправиться через Днепр и вышла к Смоленску, где 22 июля соединилась с 1-ой Армией Барклая-де-Толли.

Отличившийся в числе многих других, Дмитрий Чиркин был за этот бой награжден чином подпоручика.

За участие в героической обороне Смоленска – 4 и 5 августа 1812 года - подпоручик Чиркин удостоился Высочайшего благоволения.

Все три дня Бородинского сражения – этой кульминации Отечественной войны – Дмитрий Чиркин находится в самом его центре, на Багратионовых флешах. Вскоре после окончания битвы он был пожалован первым своим орденом – Святого Владимира 4 степени с бантом.

12 октября 1812 года, когда уходившие из Москвы французы пытались прорваться по Новой Калужской дороге в районы, не тронутые войной, их путь пролегал через маленький уездный Малоярославец.

На окраине города наполеоновские войска натолкнулись на полки корпусов Дохтурова и Раевского. Неоднократно, по некоторым сведениям, от восьми до одиннадцати раз горящий город переходил из рук в руки.

Вечером сражение закончилось. Потеряв около пяти тысяч убитыми и ранеными, французы от города отошли. Среди тех, кто помешал Наполеону прорваться через Малоярославец, в составе корпуса Раевского, был Дмитрий Чиркин, награжденный вскоре чином поручика.

Отступавшая наполеоновская армия все еще оставалась боеспособной и отчаянно отгрызалась.

Три дня, с 4 по 6 ноября 1812 года, у города Красного на Смоленщине французы пытались отбросить преследовавшие их войска Кутузова.

Однако здесь противник потерпел одно из самых крупных поражений в Отечественной войне. Внесший свой вклад в дело разгрома неприятеля, поручик Чиркин «за сие пожалован был золотою шпагою с надписью «За храбрость».

В 1813-1815 годах он участвует в заграничных походах (в послужном списке они поименованы как - первый 1813-1814 и второй – 1815 года), отличившись несколько раз – при блокаде крепости Модлин, у г.Дрездена, в «Битве народов» под Лейпцигом, под Магдебургом, под

Гамбургом и на острове Вильгельмбурге. Ордена Святой Анны 4 и 2 класса, годовое дополнительное жалование – стали последними наградами Дмитрия Петровича Чиркина за «бои и дела против неприятеля».

В 1819 году он поселяется в доставшемся ему от отца имении в деревне Тетерье, в том же году женится и начинает жить жизнью добропорядочного помещика.

Герой войны, без всякого сомнения, у соседей и у всего малоархангельского дворянства пользовался большим авторитетом.

Аграфена Николаевна Мухортова, мать Захара Николаевича Мухортова (хорошего знакомого И.С. Тургенева), чье имение находилось в селе Федоровка, в 15-и верстах от Тетерья, сделала Дмитрия Петровича поверенным в своих делах.

Когда же умер близкий сосед Чиркина – Иван Андреевич Якушкин (его село Сабурово находилось от Тетерья в двух верстах выше по тому же ручью Тетерка), дворянство уезда проблему назначения опекуна для малолетних детей решило сразу и не ошиблось.

Дмитрий Петрович сделал все от него зависящее, собрал все необходимые документы – и в том же 1833 году, 16 ноября, Орловское Дворянское Депутатское собрание сыновей Якушкина – Виктора, Семена и Николая внесло в 6-ю часть Дворянской родословной книги, а дочери Наталье было выдано свидетельство о причислении ее к дворянскому сословию.

История взаимоотношений двух соседских помещичьих родов этим событием не закончилась. Семеро детей штабс-капитана Чиркина и семеро детей умершего гвардии подпоручика Якушкина, будучи соседями и ровесниками, постоянно общались и дружили.

Двое из Якушкиных прославили свой род. Павел Иванович стал собирателем устного народного творчества и писателем-этнографом. Виктор Иванович, известный в Орловской губернии врач, послужил Ивану Сергеевичу Тургеневу прообразом для написания самого знаменитого его героя – нигилиста Базарова.

Из Чиркиных до всероссийской известности никто не добрался, но Николай Дмитриевич, став первым фотографом-любителем Малоархангельского уезда, оставил нам на память одну из немногих фотографий Павла Якушкина, сделанную, видимо, при посещении знаменитым фольклористом друзей детства в соседнем Тетерье.

Умели быть благородными и благодарными в 19-м веке, умели.

(Все сведения для написания этой истории я почерпнул в фондах 68 и 744 Государственного Архива Орловской области – А.П.)

Как один помещик крепостную крестьянку полюбил

5 апреля 1825 года в Троицкой церкви села Липовец Малоархангельского уезда венчалась необычная пара: 70-летний помещик, владелец имения в сельце Сабурово, Иван Андреевич Якушкин и его дворовая девка, 20-летняя Прасковья Фалалеева, причем, уже на 8-м месяце беременности.

Трудно было удивить российских обывателей в 19-м веке неравными браками. Но большей частью это касалось возраста и уровня материального благосостояния женившихся, а вот сословную принадлежность, всё же, старались соблюдать, особенно в дворянской среде.

Конечно, часть помещиков (одни – открыто, другие – меньше афишируя свои связи) сожительствовала со своими крепостными крестьянками, почти всегда используя принуждение. Иногда о случаях злоупотребления помещичьей властью узнавали в столицах и – в исключительных случаях – могли злодея наказать.

Так, в декабре 1860 года Указом императора Александра II был лишен дворянства, отстранен от управления имением и отправлен в ссылку Малоархангельский помещик Михаил Мацнев, допустивший многочисленные издевательства над своими крепостными людьми (и в первую очередь – как раз над девушками и женщинами).

Об этом помещике из села Столбцкое всей читающей Европе сообщил Александр Герцен в декабрьском номере журнала «Колокол» за этот же год.

В редких случаях помещики-дворяне могли позволить себе жениться на крепостных или дворовых: ведь тогда их ждало не только осуждение всех соседей – землевладельцев, но и настоящий бойкот с их стороны.

Только два обстоятельства могли подвигнуть какого-либо помещика на поистине героический поступок: или большая, всепоглощающая любовь к будущей супруге (вспомним хотя бы графа Шереметева и Прасковью Жемчугову), или любовь к детям и работа об их будущем.

Иван Якушкин, происходивший из дворян Смоленской губернии, с 1775 по 1781 год служил в гвардии, после чего, в связи с болезнью, был уволен в отставку («в силу объявленного Господином гвардии подполковником и разных орденов кавалером Светлейшим князем Григорием Александровичем Потемкиным Высочайшего Ее Императорского Величества Указом...»).

Поселился Иван Андреевич в собственном поместье, в сельце Сабурово Малоархангельского уезда, и зажил здесь холостяком.

Имение его, удобно расположившееся на высоком берегу небольшого ручья Тетерка, было среднее по помещичьим меркам: чуть более тысячи десятин земли.

Однако имелись здесь конный, винокуренный и кирпичный заводы, мельница, маслобойня, конопляники и рыбная ловля в запруженном рядом пруде. Из камня – известняка собственной каменоломни выстроены были Якушкиным просторные хозяйственные постройки (конюшня, скотный двор, овин, подвалы), в которых находилось постепенно прираставшее богатство отставного гвардии подпоручика.

Годы шли, исполнилось помещику 30, потом 40, 50 лет, а он все никак не мог найти себе спутницу жизни. Соседи из числа недоброжелателей шушукались за спиной: «...А все ли в порядке у Ивана Андреевича по мужской части?».

Дмитрий Чиркин, участник и герой Отечественной войны, ближайший сосед и друг, чье поместье находилось в двух верстах ниже по тому ручью в деревне Тетерье, не раз говаривал: «Иван Андреевич, жениться Вам надо, иначе без наследников останетесь». Якушкин обычно, на такого рода советы, отшучивался.

А с весны 1820 года среди тех же соседей-злопыхателей слух распространился: «Спутался подпоручик со своей дворовой девкой, которой недавно лишь 15 лет исполнилось. А самому-то уже 65 стукнуло. Правду говорят: «седина в бороду – бес в ребро!».

Пытался отговорить от продолжения связи Якушкина и Чиркин, но ... «Митя – помолчи! Это моя любовь – первая, и думаю, последняя. Никогда такого у меня не было», - взволнованно говорил другу Иван Андреевич.

Когда же на следующий год дворовая Прасковья Якушкину сына родила, и помещик их обоих в своем доме поселил, отказались многие землевладельцы даже здороваться с нарушителем дворянских правил.

Впрочем, Иван Андреевич никакого внимания на это не обратил: один за другим родились у помещика и его гражданской жены еще два сына – Павел и Петр.

После того как Прасковья четвертым ребенком забеременела, решился Иван Андреевич на поступок: 5 апреля 1825 года в Троицкой церкви села Липовец обвенчали его с бывшей дворовой Прасковьей Фалалеевой.

Отныне и жена его законная, и будущие дети могли претендовать на получение дворянства.

Через два месяца, 1 июня 1825 года, родился у Якушкиных четвертый сын – Николай, но он не стал последним в семье. 3 мая 1829 года появился на свет Виктор, 17 апреля 1830 года – Семен, а 13 июня 1831 года родилась наконец-то и дочь – ее назвали Натальей.

Ивану Андреевичу исполнилось тогда 76 лет, а его молодой жене минуло – 26.

А на следующий год глава семейства тяжело заболел и скончался, оставив Прасковью Фалалеевну вдовой с семью несовершеннолетними детьми.

Друг – сосед, Дмитрий Петрович Чиркин, в беде семью не оставил. Благодаря его опекунским работам четверо рожденных в законном браке детей получили дворянство – Николай, Виктор, Семен и Наталья.

А благодаря самой Прасковье, оказавшейся умелой хозяйкой, все дети еще и очень хорошее образование получили.

Павла Ивановича Якушкина, одного из первых собирателей русского фольклора, писателя-этнографа, узнала вся читающая Россия 60-х годов XIX века.

Виктора Ивановича Якушкина, врача-хирурга (он закончил в 1854 году Петербургскую медико-хирургическую академию) ценили все пациенты как знающего и умелого врача, а крестьяне буквально боготворили за то, что он был внимателен, безотказен и бескорыстен.

Именно Виктор Якушкин послужил Ивану Сергеевичу Тургеневу одним из прототипов его знаменитого героя – Евгения Базарова из романа «Отцы и дети».

50-летний Павел и 43-летний Виктор Якушкины умерли в одном и том же 1872 году, но вот память о себе оставили добрую и долгую.

26 января, в очередную, 185-ю годовщину со дня рождения Павла Якушкина, на его родине – в д. Тетерье Покровского района был установлен памятный знак в честь писателя, этнографа, фольклориста.

На праздничное мероприятие, к стенам сельской библиотеки, носящей имя Якушкина, собрались многие жители деревни, ученики школ Покровского района, гости из райцентра и из Орла.

А ведь ничего этого не было бы, не влюбись один помещик в свою крепостную.

(История написана на основании документов из фонда 68 ГАОО, отчество Прасковьи Якушкиной здесь названо именно Фалалеевна, а не Фалеевна – А.П.)

О дворянах Извековых и деревне Извековой

В 2002 году Санкт-Петербургское издательство «Наука» выпустило книгу «500 лет на службе России». Авторы её - отец и сын Извековы, Игорь Николаевич и Аркадий Игоревич, и историк С.Баранов. Это очень интересное и, пожалуй, уникальное издание. Используя огромное количество архивных источников, отец с сыном (при некоторой помощи профессионального историка) восстановили 500-летнюю историю своего рода, связав её с российской историей.

Одна из глав книги называется «Орловская ветвь», и из неё, а впрочем, из других глав тоже, мы, покровчане, можем узнать ещё об одних первопоселенцах нашего края.

Извековы - древний дворянский вяземский род XV века. В XVI веке Извековы служили при дворе Ивана Грозного. В XVII-XVIII веках они - провинциальные дворяне в различных уездах России (Вяземском, Ливенском и других). Извековы упоминаются в рукописном «Синодике» из Московской синодальной библиотеки между 1671 и 1696 годами среди «родов великих людей», так или иначе отличившихся на службе Отечеству. Герб Извековых внесён в третью часть «Общего Гербовника Российской империи».

Именно в Орловском крае, его уездах и волостях с конца XVI - начала XVII веков обосновались многие из членов семей упомянутых нами Извековых. По данным Ливенских писцовых книг, в 1678 году в Затруцком стане Ливенского уезда поселились два сына помещика Семёна Извекова, а в деревне Башкатовой, при селе Архангельском (нынешнем селе Дросково - А.П.) из 11-и проживавших там однодворцев пятеро были Извековы.

Деревню же Извекову, по данным авторов книги «500 лет на службе России», основал в начале XVII века Фаддей Никитич Извеков (от деревни Извековой до деревни Башкатовой - около трёх километров, чуть больше - до села Дросково, так что, вполне возможно, Извековы поселились здесь тогда же, когда и в Башкатовой). В XVIII веке в Извековой имел усадьбу Алексей Никитич Извеков

(внук Фаддея Никитича). Отставной прапорщик, он служил в Лейб-гвардии конном полку капралом и из-за болезни отправлен был, с награждением чином прапорщика, в дом свой в Ливенский уезд, в село Губкино.

Алексей Никитич женился, и в течение семейной жизни они с женой значительно пополнили свои владения. Но одно из них по-прежнему носило родовое имя - Извекова (ныне это населённый пункт Дросковского сельского поселения - А.П.).

В середине XIX века во владельческой деревне Извековой в 17 дворах проживало 145 человек, в 1926 году, перед самой коллективизацией - здесь уже был 41 двор с 226-ю жителями. Из-за нехватки земли рядом с деревней три большие семьи переселились на новое место, образовав Извековские выселки (к сожалению, давно уже исчезнувшие).

По последним статистическим данным (на 1 января 2008 года), в старейшей русской деревне Извеково, основанной вяземскими служилыми людьми, насчитывается 11 дворов с 21 жителем, реально же здесь дворов и жителей ещё меньше. Однако до сих пор в четырёх извековских дворах живут местные жители по фамилии Извековы. Не вывелся пока род, не перевёлся за 300 с лишним лет. Извековы защищали Родину в лихие военные годы и отдавали за неё свои жизни, как, например, младший лейтенант Емельян Извеков, погибший 23 февраля 1943 года, и рядовые Иван, Николай, Савелий и Федосей Извековы, павшие смертью храбрых в период с 1941 по 1944 годы.

Трудились после войны Извековы, восстанавливая разрушенное хозяйство, а потом строили, как и все мы, социалистическое общество.

Сейчас, живя в новой России, волнуются Извековы за её будущее, но Родине своей они всегда будут служить, работать на её благо и защищать в случае опасности.

Землевладельцы нашего края в 1908 году

В самый разгар столыпинских аграрных реформ, в 1908 году, нынешняя территория Покровского района входила в состав восьми волостей Малоархангельского уезда - Алексеевской, Верхососенской, Воровуцкой, Дросковской, Покровской, Смирновской, Фёдоровской и Успенской.

Во время одного из своих поисков в Государственном архиве Орловской области мне удалось обнаружить очень интересный документ, с помощью которого я заметно расширил свои познания о частном землевладении в нашем крае.

«Список землевладельцев Малоархангельского уезда на 1 января 1908 года», хранящийся в фонде 60 ГАОО, содержит достаточно длинный перечень хозяев земельных участков с указанием площади последних.

Итак, общее число землевладельцев по волостям было не одинаково и колебалось - от 50, как, например, в Алексеевской волости, до почти 300 в Дросковской. Площади земельных участков также заметно отличались - от двух с небольшим тысяч десятин в той же Дросковской волости - до девяти с половиной тысяч в Успенской (напомню, на всякий случай, что десятина как мера земельной площади равна гектару и шести соткам).

Теперь о самих землевладельцах. Все они относились к основным сословиям Российской империи - дворянству, духовенству, купечеству, крестьянству.

В процентном отношении основная масса земель принадлежала, конечно же, дворянам (помещикам- землевладельцам). Причём, размер их земельных участков был самым различным.

Крупнейшими помещиками являлись: Мария Александровна Олив, жена генерал-лейтенанта (ей принадлежало 1544 десятины земли при селе Алексеевке и деревне Натальиной); Михаил Михайлович Мацнев (он владел 1183 десятинами при селе Столбечком); Тимофей Яковлевич Кистенёв (у него было 1226 десятин земли при деревне Каменка-Моховая).

От 500 до 1000 десятин имели: Леонид Никонорович и Фиона Дмитриевна Мацневы (при сельце Мацневском и деревне Грачёвке у них было 845 десятин); Мария Владимировна Каширинина (при сельце Толстом - 694 десятины); Ольга Владимировна Сахарова (579 десятин при деревне Тимирязевой); Михаил Александрович Нарышкин (800 десятин при деревне Озерной); Софья Степановна Горовцева (736 десятин в селе Успенское); наследники умершего Юрия Андреевича Нечаева (в деревне Протасовой им принадлежало 955 десятин); два брата и две сестры Чиркины (541 десятина в деревне Тетерье); Александра Иосифовна Юрьева (530 десятин в деревне Сабуровой).

Меньшее количество земли принадлежало таким известным в нашем крае помещикам, как Оловенниковы. Владельцу поместья в селе Покровское Сергею Николаевичу Оловенникову досталось от отца в наследство 320 десятин земли при деревне Приютиной, а у его брата Михаила Николаевича здесь же имелось только семь десятин. Правда, М.Н.Оловенников ещё в Фёдоровской волости владел 30-ю десятинами земли (при деревне Черёмухова Плота, Юрьева тож). Много больше земли было у его жены, Надежды Владимировны (урождённой Мацневой): 257 десятин при той же деревне.

Следует, пожалуй, вспомнить ещё фамилию Арнольди Михаила Константиновича, которому принадлежало 190 десятин при деревне Хорошей (Приютина, Хорошее или Хорошая - это теперь составные части нашего райцентра - А.П.).

Довольно много помещичьих фамилий я назвал, хотя, конечно же, не все. Но и того, что перечислено, достаточно, чтобы понять: основными производителями товарного зерна в нашем крае в начале XX века являлись, несомненно, помещичьи имения. Каким был труд там - это уже другой вопрос, но конкуренцию им все другие землевладельцы по-настоящему составить не могли. Хотя, к примеру, некоторые купцы на этом поприще добились больших успехов, но их было слишком мало.

Гавриил Афанасьевич Ильинский, владея 669-ю десятинами при селе Топки, разводил скот и выращивал зерновые на землях, которые принадлежали когда-то Ивану Сергеевичу Тургеневу.

Многочисленному семейству купцов Лисичкиных при селе Успенское и окрестных деревнях (Казинке, Александровке, хуторе Сергиевском и хуторе Кукуевке) принадлежало более 800 десятин земли.

У других купцов земельный капитал был значительно меньше (от 4 до 40 десятин).

Что касается священнослужителей, то чаще всего каждому причту в селе (при церкви) принадлежало 36 десятин земли. Однако бывало и по-другому. Священнику Владимирской церкви села Фёдоровка отцу Иоанну Владимирцеву досталось вначале 20 десятин церковной земли, да он сам ещё потом приобрёл 18 дополнительно. Дьякону Фёдору Путилину при той же церкви принадлежало 13 десятин, а псаломщику Афанасию Калиникову - 6.

А вот у священника Покровской церкви (села Покровское) Иосифа Андреевича Архангельского земли имелось 240 десятин - побольше, чем у многих помещиков.

Крестьян - землевладельцев в нашем крае также насчитывалось немало (особенно в Дросковской волости), хотя обычно размеры их земельных участков были невелики - от одной до четырёх десятин.

Но вот крестьянину же Козьме Федоровичу Ретинскому при деревне Зиновьевой принадлежало целых 127 десятин, а у Алексея Михайловича Кузнецова имелось и того больше - 183 десятины при деревне Коровинка.

Зажиточные крестьяне-кулаки жили в деревне Желановка: у Андриана Черемисина было 110 десятин хорошей земли, у Кирилла и Петра Богатырёвых - по 45, у Сергея Емельянова- 23 десятины.

Если же делать общий анализ по крестьянскому землевладению, то получается, что покровское крестьянство, в значительной своей части, вопреки сложившемуся мнению, вовсе и не было таким уж нищим по целому ряду населённых пунктов края.

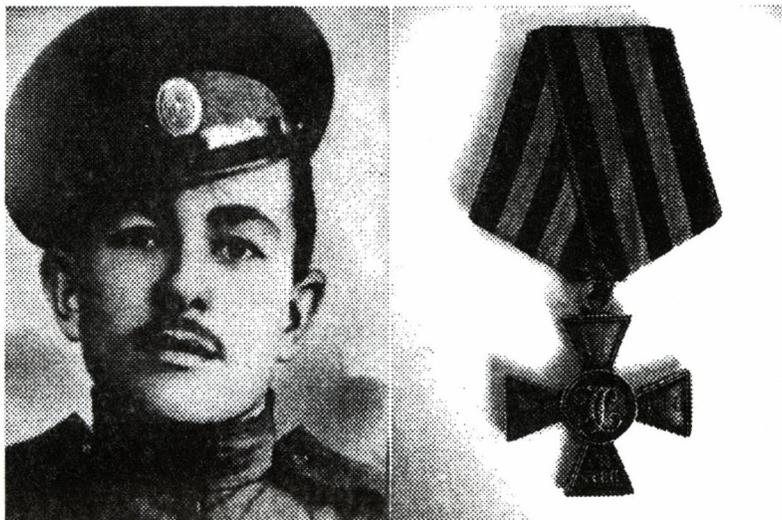
Именно этим обстоятельством можно объяснить майские события 1931 года в селе Верхососенье, где жили и богачи-крестьяне (Иван Григорьевич Рябых имел 83 десятины земли, Иван Андреевич Шаталов - 86), и существовали крестьянские товарищества – Верхне-Моховское и Ниженское (из 12-13 домохозяев каждое), не желавшие менять свой уклад жизни, когда наступила эра колхозов.

Впрочем, к нашей теме это уже отношения не имеет.

Солдат I Мировой (воспоминания о Павле Амелине)

Начало кровопролитным схваткам XX века положила I Мировая война, одним из главных действующих лиц которой стала Россия, защищавшая свои интересы в Европе и в мире.

Воюя на стороне стран Антанты, Россия очень многое сделала для победы над Германией и её союзниками. А русский солдат каждый раз вовремя приходил на помощь англичанам и французам, попадавшим в трудные ситуации в 1914-1915 годах. Одним из таких солдат был наш земляк Павел Петрович Амелин. Познакомился я с ним в 1981 году, во время туристического похода с учащимися Покровской школы по памятным местам района. Много интересно узнали мы тогда об историческом прошлом нашей местности и о

Георгиевский кавалер Павел Амелин и его награда

нём самом, поскольку рассказчиком он оказался замечательным, а памятью обладал редкостной.

Родился Павел Амелин в 1893 году в семье крестьянина-середняка в селе Фёдоровка (тогда – Малоархангельского уезда Орловской губернии). В своё время этот населённый пункт принадлежал, как и некоторые другие, гофмейстеру Двора Его Императорского Величества, другу Ивана Сергеевича Тургенева, Захару Николаевичу Мухортову, а позже - его сыновьям Николаю и Захару. Захар Николаевич Мухортов был не просто приближённым царя, а очень просвещённым человеком, способствовавшим распространению экономических знаний в России (он являлся вице-президентом Вольного экономического общества).

Захар Николаевич умер в 1876 году, и Павел Петрович Амелин его, конечно, не знал, а вот с его младшим сыном, Захаром Захаровичем, довелось уроженцу Фёдоровки встречаться несколько раз. В отличие от отца, наследник фёдоровского имения тратил большую часть своего времени не на дела, а на развлечения. Не раз Павел Петрович наблюдал выезд Захара Захаровича на псовую охоту. На псарне в деревне Тростниковой у помещика имелось более полутысячи гончих и борзых, и вот с ними-то он развлекался, загоняя зайцев, лис и волков.

Был Амелин свидетелем и ещё двух любимых занятий Мухортова.

«Хочешь полтинник?» - спрашивал он при встрече кого-либо из крестьян. И если тот соглашался (а все уже знали, как этот полтинник зарабатывается), Захар Захарович отвечивал добровольцу хорошую затрещину и тут же вручал деньги, от души улыбаясь.

А иногда по распоряжению Мухортова выпускали на выгон юркого поросёнка, хорошенько намылив его. Захар Захарович буквально надрывался от хохота, видя, как желающие приобрести живность для хозяйства кувыркаются один за другим. А поросёнок всё бегаёт и бегаёт, выскальзывая из крестьянских рук.

По воспоминаниям Павла Петровича Амелина, многие из семьи Мухортовых нашли вечный покой на старом Фёдоровском кладбище.

А теперь о судьбе самого Амелина. Закончив церковно-приходскую школу и проработав некоторое время в хозяйстве своего отца, Павел Петрович в 1912 году подался на заработки. Добрался до Москвы и почти два года трудился здесь на кондитерской фабрике петербургского шоколадного «короля» фон Вангеля, буря и копая артезианские скважины.

В августе 1914 года началась I Мировая война. Павла Петровича вскоре мобилизовали в царскую армию. Он был направлен в 131 Тираспольский пехотный полк. Рядовой Амелин своей сметкой и дисциплинированностью обратил на себя внимание офицеров, и вскоре ему присвоили звание ефрейтора.

Юго-Западный фронт, в составе которого воевал 131 Тираспольский пехотный полк, успешно действовал против союзника Германии – Австро-Венгрии. Ефрейтор Амелин участвовал в кровопролитных боях на реке Сан и под Перемышлем, на Дуклинском перевале в Карпатах. Храбро воевал наш земляк. Однажды, переправляясь через реку Нарова, он был тяжело ранен в ногу шрапнелью. Девять месяцев Амелин пролежал в госпитале герцога Лихтенштейнского в Санкт-Петербурге.

Зимой 1916 года, когда Павел Петрович начал выздоравливать, но ещё не ходил, а передвигался на коляске, его и нескольких других раненых предупредили, что завтра их повезут в Зимний дворец.

Здесь, в Зимнем, царь Николай II устроил торжественный приём для раненых и инвалидов войны, которым лично вручал Георгиевские кресты за храбрость, за службу царю и Отечеству. Как вспоминал позже Павел Петрович, император пришёл с женой и детьми. Одет он был в защитного цвета костюм и сапоги. Подходя к очередному раненому кавалеру, царь вручал крест, говорил несколько слов благодарности и шёл дальше. Для Павла Амелина это была уже вторая награда.

После этого награждённым в Зимнем дворце был дан торжественный обед. На всю жизнь запомнил Павел Петрович длинный белый стол, приборы на нём (тарелка, вилка, ножи), блюда с едой и по две бутылки пива для каждого георгиевского кавалера. Об этом обеде в Зимнем дворце Павел Петрович часто потом рассказывал однополчанам, не забывая перечислять содержимое праздничного стола.

Излечившись, Амелин снова оказался на Юго-Западном фронте и воевал в разведке. Однажды он взял очередного «языка» - офицера. Пленный австриец сообщил важные сведения, и ефрейтор Амелин был награждён третьим Георгиевским крестом (второй степени). В России в это время уже началась революция, и стать полным кавалером Павел Петрович не успел. В 1918 году он возвратился в родные края.

А затем была долгая трудовая и вновь боевая жизнь. Гражданскую, советско-финскую, Великую Отечественную войны довелось пройти уроженцу Фёдоровки. В последней своей войне сапёр

Амелин успешно разминировал вражеские минные поля, организовывал водные переправы (в том числе и через Одер в Германии).

Дошёл он до Берлина и расписался на рейхстаге. Домой вернулся Амелин, награждённый орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

После войны жил Павел Петрович в селе Фёдоровка и работал ветеринаром. Выполнял большую общественную работу, много раз избирался депутатом Владимировского сельского Совета.

Давно уже нет в живых Георгиевского кавалера, а добрая память о нём живет в сердцах земляков. Посетители Покровского районного краеведческого музея на одном из стендов в зале Великой Отечественной войны могут увидеть фотографию храброго солдата Павла Амелина в форме времён I Мировой войны. Он – один из тех наших земляков, кто является гордостью района.

Лисичкины (герои Льва Овалова в романе и в жизни)

Великая вещь - Интернет! В этом совсем недавно убедился и я, до сих пор никакого отношения к нему не имевший. Именно с помощью Интернета мне удалось познакомиться с людьми, которые шагнули в мой кабинет прямо со страниц романа Льва Овалова «Двадцатые годы».

Когда два года тому назад в Орле и селе Успенское мы достаточно скромно отметили 100-летие со дня рождения автора первых советских детективов, «отца - создателя» бессмертного образа майора Пронина, широко известного в былые годы, а ныне почти совсем забытого даже на родной Орловщине, Льва Сергеевича Овалова, я и не подозревал, что у юбилейных торжеств будет продолжение.

А оно, это продолжение, явилось ко мне в лице пожилого, седого человека, невысокого роста, представившегося: «Я - сын того самого Пенечкина, который упомянут на нескольких страницах оваловского романа «Двадцатые годы».

И дальше начался его рассказ - подробный, с показом документов и фотографий.

Прежде, чем перейти к главному, мне (на всякий случай) придётся напомнить современному читателю, что большой, в 700 с лишним страниц, роман Льва Овалова «Двадцатые годы» был выпущен издательством « Молодая гвардия» в 1982 году и с тех пор ни разу не переиздавался.

Это единственное художественно - документальное произведение известного писателя, посвящённое жизни орловской деревни первых лет Советской власти. События в романе происходят, в основном, в Малоархангельском уезде, хотя, конечно, не только там. Среди постоянно упоминаемых населённых пунктов - село Успенское (именно в нём жил будущий писатель Лев Овалов в 1918-1923-ом г.г.) и многие окрестные деревни.

На хуторе Кукуевка, находившемся в двух верстах от волостного села Успенское, поселился (в романе-А.П.) председатель волисполкома Степан Быстров. Поселился, по его словам, чтобы контролировать богатеев, да и «зачем жить плохо, если можно жить хорошо»?

Хозяевами усадебного дома в Кукуевке были (опять-таки по роману - А.П.) прасолы Пенечкины. Лев Сергеевич описал в романе одну из комнат кукуевского дома: «Темноватый коридор, как в богатых домах, портьеры, рояль, экран пальмы в зелёной кадке - хотя всё это только в одной комнате».

Когда в 1982-ом году роман «Двадцатые годы» только-только вышел из печати, и Лев Сергеевич подарил книгу нам, своим землякам, я, разговаривая со старожилом села Успенское, Михаилом Михайловичем Климовым, выяснил настоящую фамилию владельцев хутора в Кукуевке - Лисичкины.

И теперь передо мной сидел сын одного из них - Александр Александрович.

С его помощью, а также пользуясь документами Государственного Архива Орловской области, найденными мною чуть раньше, я выяснил некоторые подробности жизни литературных прообразов оваловского романа. И подробности эти оказались не менее интересными, чем то, что происходило с героями на страницах книги.

Итак...В списке землевладельцев Успенской волости Малоархангельского уезда за 1908 год (ГАОО, Ф.60,д.2) обнаружил я следующую запись:

«...Купцы...

Адриан Евдокимович Лисичкин, владеет 138 десятинами земли при хуторе Кукуевка.

Иван и Александр Адриановичи Лисичкины –138 десятин при хуторе Кукуевка.»

По семейным преданиям Лисичкиных, основатель купеческого рода, Адриан Евдокимович, происходил из крепостных крестьян Малоархангельского уезда(в деревнях Барановка, Козинка, Александровка представителей этой фамилии было несколько семейств).

После отмены крепостного права в 1861 году Адриан Лисичкин разбогател, купил землю недалеко от села Успенское, и вскоре на берегу ручья, впадавшего в речку Озерну, появился большой (по местным понятиям) дом, в котором и стала жить семья Лисичкиных.

У Адриана Евдокимовича и его жены Дарьи Ивановны было двое сыновей (Иван, Александр) и трое дочерей (Ольга, Мария, Надежда). Дочери, выйдя замуж, родительский дом покинули и навещали его потом лишь изредка, в связи с важными семейными событиями. А вот сыновья Иван и Александр, на двоих владевшие таким же количеством земли, как и отец, вели хозяйство с ним сообща.

Когда в 1917-ом или 1918 году Адриан Евдокимович Лисичкин скончался, то его участок (более чем в 100 десятин) достался по наследству сыновьям.

К сожалению, для них времена наступили другие: в Успенское пришла Советская власть, и весной 1918 года местный волостной исполнительный комитет начал раздел земель окрестных помещиков.

Лисичкины не были помещиками, но кулаками их считали все соседние крестьяне, поскольку в хозяйстве у них работали батраки. Братья не стали дожидаться экспроприации своих земель, подумали - и организовали на хуторе Кукуевка сельскохозяйственную коммуну, в состав которой вошли они сами с семьями и все их работники, изъявившие желание.

Передо мной лежит документ - копия «Удостоверения», выданного тов.Лисичкину Александру Адриановичу Успенско - Луначарским волостным исполнительным комитетом 27 мая 1920-ого года. В нём сказано, что «Председатель 3-ей сельскохозяйственной коммуны Успенско - Луначарской волости А.А.Лисичкин

с 1917 года в контрреволюционных выступлениях замечен не был и, состоя в должности председателя С.Х. К., волисполком должен отметить, что тов. Лисичкин стоит на высоте своего положения в Р.С.Ф.С.Р., что удостоверяется...»

По воспоминаниям старожила села Успенское М. М. Климова, коммуна эта успешно существовала почти 10 лет. Сами братья работали наравне со своими бывшими батраками (которые, кстати, жили вместе с ними в их доме). Продукты труда делились поровну, даже питались коммунары летом за одним общим столом.

Когда в 1927 году отмечалось 10-летие Советской власти, и созданная в Покровской волости комиссия Октябрьских торжеств отмечала заслуги наиболее отличившихся, Александр Адрианович Лисичкин получил от этой комиссии «Грамоту признательности» за работу по развиту коневодства в 3-ей сельскохозяйственной коммуне.

Однако ни упомянутое «Удостоверение», ни эта грамота не спасли А.Лисичкина от начавшихся вскоре репрессий, направленных против «бывших и замаскированных» кулаков. В 1928 году Александра Адриановича арестовали и после суда в селе Покровское сослали в Северный край. Пять лет ссылки провёл Лисичкин на реке Мезень, в Архангельской области, где довелось ему работать со ссыльными же староверами.

Вернувшись в Кукуевку в 1933 году, Александр Адрианович не стал больше искушать судьбу: получив паспорт, он выехал за пределы нашего края. Умер Лисичкин в 1944-ом году, под Москвой, на станции Царицыно, где жил последнее время. Там его и похоронили.

Единственный сын Александра Адриановича, тоже Александр, рано оставшись сиротой, был усыновлен хорошими людьми. Приёмный отец дал ему свою фамилию и отчество. Поэтому теперь родной внук основателя хутора Кукуевка не Лисичкин, а Валицкий Александр Иванович.

Именно он и был тем человеком, что захотел узнать историю собственной семьи и связался со мной через Интернет.

Что касается других детей Адриана Евдокимовича Лисичкина, то они выехали из Кукуевки в середине 20-ых годов, не дожидаясь арестов, судов и высылки.

Дети старшего из сыновей, Ивана, который умер во время ленинградской блокады, сумели достичь высоких должностей.

Работа Александра Ивановича Лисичкина была связана с авиацией и, трудясь на Новосибирском авиазаводе, он дослужился до звания инженер - полковника.

Алексей Иванович Лисичкин, также получивший инженерное образование, занимал ответственные посты в Гипроугле. Он изобрёл и внедрил «ШНЛ» - шахтный насос Лисичкина, широко применявшийся на шахтах страны в послевоенное время.

Одна из младших дочерей А.Е.Лисичкина, Ольга (в романе «Двадцатые годы» она выведена под именем Киры Филипповны Андриевской, учительницы пения в Успенской школе) и её муж - Сергей Михайловский (в романе он - адвокат Андриевский) жили в Ленинграде. Детей у них не было. Сергей Андреевич умер в блокаду. Ольга Адриановна, продолжавшая служить искусству (она работала в доме культуры одного из промышленных предприятий), умерла в середине 50-ых годов прошлого века.

Потомки Лисичкиных живут в настоящее время в Москве, Санкт-Петербурге, в Крыму и в городе Боровичи (Белоруссия).

Вот так в жизни сложилась судьба литературных прообразов известного в своё время на Орловщине романа.

Что касается дома Лисичкиных, то от него давным - давно ничего не осталось (после ликвидации коммуны его разобрали окрестные жители для своих хозяйственных нужд).

Хутор Кукуевка ещё в начале 20-ых годов XX века был переименован в посёлок Светлая Заря, но все в округе называли его только Коммуной. Под этим неофициальным именем посёлок просуществовал 60 лет. Последние жители Коммуны покинули её в середине 80-ых годов прошлого века. От всей усадьбы Лисичкиных, да и от посёлка остался лишь красивый пруд и огромный серебристый тополь, который когда-то был посажен основателем Кукуевки Адрианом Евдокимовичем Лисичкиным.

Путь к герою и путь героя

*Георгиевский кавалер
Гурий Петрович
Губанов*

Среди наших земляков есть замечательные люди, о которых, к сожалению, сохранилось очень мало сведений. Впрочем, такова, наверное, сама жизнь, в которой всегда есть недосказанное, незаконченное, не познанное до конца.

В 1983 году я со своими ребятами, членами туристско-краеведческого кружка, совершал очередной поход по району. Главной целью, на этот раз, было посещение села Мухортово, того самого, которое в XIX веке принадлежало семейству помещиков Мухортовых.

Тогда, в рамках подготовки к 40-летию Орловско-Курской битвы, мы участвовали в областной операции «Самолёт». Узнав от уроженцев Мухортово, ныне проживающих в посёлке Покровское, что во время войны в окрестностях села упал советский бомбардировщик, мы решили узнать подробности тех событий и судьбу лётчиков со сбитого самолёта.

Поход наш был хотя и однодневный, но продолжительный по времени и расстоянию (10 часов, 30 километров). Мы познакомились с несколькими участниками войны, записав их рассказы об участии в боях.

А местный житель Иван Иванович Сидоров, освобождённый от мобилизации по инвалидности, оказался как раз свидетелем воздушной схватки. Вот что он нам поведал.

В один из дней июля 1943 года, в самый разгар Курской битвы, жители села Мухортово увидели, как прямо над их населённым пунктом неравный бой с тремя фашистскими истребителями ведёт

наш бомбардировщик, по каким-то причинам оставшийся без прикрытия. Отбивался он отчаянно, но слишком не равны были силы. Подожжённый бомбардировщик взорвался уже в воздухе, а обломки его упали в 300 метрах от дороги, рядом с берёзовой рощей (около посёлка Роценский, что находился до недавнего времени в двух километрах от Мухортово, а пару лет назад полностью вымер – А.П.).

Село Мухортово, посёлок Роценский в это время уже были освобождены советскими войсками. Солдаты одной из частей, прибежавшие к месту падения самолёта вместе с местными жителями, подобрали останки четырёх лётчиков со сбитого самолёта и похоронили их у берёзовой рощи.

После войны прах пилотов перенесли в братскую могилу, но в какую именно – никто из жителей точно сказать не смог: одни утверждали, что в соседнюю Ивановку, другие называли Топки.

На одном из мухортовских подвалов нам удалось обнаружить несколько крупных обломков сбитого самолёта. Мы вначале думали, что это какой-то из наших тяжёлых бомбардировщиков, но на обломках оказались надписи на английском языке (прочсть и перевести мы смогли одну – «держатели для бомб» - А.П.). Значит, сбитый самолёт был из числа поставленных нам союзниками по ленд-лизу. Две крупные его части с тех пор находятся в районном краеведческом музее.

Ни о лётчиках, ни о самолёте большего мы узнать не смогли и спустя много лет.

На обратном пути мы зашли в маленький домик, стоявший на самом краю Мухортово. Нам сказали, что у хозяйки его, Марии Гурьевны Лупачёвой, имеется интересный экспонат.

Дом хозяйки нас поразил. В 1983 году, спустя 40 лет после окончания войны, пол в нём был земляной, по периметру дома проходила завалинка из навоза и глины, а крыша была покрыта пропитанной в глине соломой.

Обогревалось жилище русской печью, но еду летом Мария Гурьевна готовила на керогазе (для молодых читателей объясню, что это нагревательный прибор для приготовления пищи, работавший на керосине - А.П.). По внешнему виду хозяйке можно было дать и 70, а то и все 80 лет.

Поразило нас и ещё одно обстоятельство: в доме висело два больших портрета. С первого прямо на нас смотрел симпатичный моряк Балтийского флота. «Это брат, - сказала Мария Гурьевна, - он

погиб в 1942-ом году на Балтике, защищая Ленинград». Звали брата Иван Гурьевич Губанов.

На второй фотографии красовался бравый солдат в форме русской армии периода I Мировой войны, с тремя Георгиевскими крестами и медалью. «А это – мой отец, Гурий Петрович Губанов, полный Георгиевский кавалер, - с гордостью произнесла хозяйка. Он сражался с немцами в I Мировую, после окончания её вернулся в родные места, но вскоре снова ушёл воевать (на сей раз – в Красную Армию) и погиб в 1919 или в 1920 году». И это было всё, что Мария Гурьевна знала о своём отце, поскольку в год его смерти ей исполнилось 5 или 6 лет. Мы попросили у неё фотографии, пересняли их и теперь снимки занимают почётное место в районном краеведческом музее.

Когда, спустя три или четыре года, судьба ещё раз забросила нас в Мухортово, то на месте дома Марии Гурьевны мы увидели только остатки фундамента. Соседи сказали, что она уехала куда-то к родственникам, но куда – никто не знал.

Так и осталась история эта недосказанной: кто и откуда были лётчики, какие подвиги совершил и где погиб Гурий Губанов, и даже судьбу самой Марии Гурьевны узнать нам полностью не удалось.

Но, надеюсь, ещё лежат где-то в архиве документы на нашего земляка, и, вполне возможно, мы их отыщем, и тогда биография Георгиевского кавалера Гурия Петровича Губанова откроется нам во всей её замечательной полноте.

Деревня, затерянная в России

***З.П.Терьева**
из деревни Теряевой*

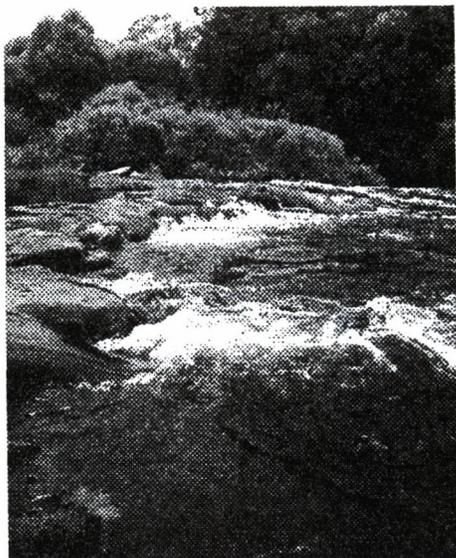
На некоторых советских военно-полевых картах периода Великой Отечественной войны деревня эта значилась почему-то как Труды-Меряева. Именно под таким названием упоминает её в своих мемуарах «В боях рождённая» командир 1-ой гвардейской стрелковой дивизии, генерал-лейтенант И.Н.Руссиянов. Вот что он писал о событиях декабря 1941 года: «Утром 25 декабря части пошли вперёд. Особенно тяжёлые бои разгорелись за населённый пункт Труды-Меряева. Нам долго не удавалось форсировать реку Труды. На высотах противоположно-го берега противник установил орудия и пулемёты и вёл плотный

прицельный огонь. Решили штурмовать село ночью. Батальоны 4-ого стрелкового полка ночной атакой выбили гитлеровцев из населённого пункта.

Полковник Вайцеховский (командир упомянутого полка – А.П.) доложил, что бежавшие в панике фашисты оставили накрытые рождественские столы. Пришлось нам отпраздновать там не рождество, а победу в бою за этими столами»...

Когда впервые эту книгу, вышедшую в Военном издательстве Министерства обороны СССР в 1982 году, прочитали покровчане, они сразу поняли, о какой деревне их родного края идёт речь: и в XIX, и в первой трети XX века официальное её название во всех списках населённых пунктов было Труды-Теряева.

Река Труды, левый приток Сосны, протекает по территории трёх районов Орловской области. Беря начало в Верховском, она пересекает затем северо-восточную часть Покровского района, а на территории Ливенского, у села Крутое, заканчивает свой бег, вливаясь в более полноводную Сосну (впрочем, здесь обе реки одинаковы по размерам, и кто когда решил, что именно Труды впадают в Сосну, а не наоборот, я не знаю - А. П.). На трудских берегах издавна, ещё с XVII века, стали селиться люди, и до сих пор здесь, вдоль речной долины, расположено более трёх десятков населённых пунктов.

Река Труды у деревни Теряевой

Один из них – деревня Теряева (в современном Покровском районе), расположившаяся на высоком, крутом, правом берегу реки, напротив самой живописной в этих местах излучины, которую местные жители за её красоту называют почему-то «Синее море». В настоящее время у селения только одно имя, но более ста лет оно существовало под двумя – Труды (Теряева).

Все годы деревня не знала крепостного права: в ней жили казённые (государственные) крестьяне, платившие налог государству. Большинство из них носило, да и поныне продолжает носить фамилию своего предка Теряева, который когда-то и был первооселенцем этого населённого пункта. В 1866 году в деревне Труды-Теряева имелось 59 дворов с 474 жителями, и работали две водяных мельницы.

Накануне коллективизации (1926 год) число жилых дворов здесь выросло до 105, и проживало в них 562 человека.

Когда в 1931 году местные активисты-общественники создали колхоз «Новый труд», то, вполне естественно, первым его председателем стал

тоже Теряев. Колхоз был не самым передовым, но и не отстающим – «среднячком». Колхозников для работы на общественных фермах и полях хватало (незадолго перед оккупацией деревни гитлеровцами проживало в ней уже свыше 700 человек).

Руины старого дома

В конце ноября 1941 года Труды-Теряева,

как и все соседние деревни, была захвачена фашистами, наступавшими на Ливны и Елец. Однако теряевцам повезло чуть больше, чем жителям многих других населённых пунктов Покровского района: наши войска, части 1 гвардейской стрелковой дивизии генерала И.Н.Руссиянова, о которой шла речь в самом начале рассказа, освободили их уже через месяц, 26 декабря.

Однако в течение нескольких последующих дней гитлеровцы изо всех сил пытались вернуть контроль над потерянными ими теряевскими высотами. Та часть населённого пункта, что у местных жителей называется до сих пор Мальцевский конец (здесь жили почти одни Мальцевы) несколько раз переходила из рук в руки. И когда 30 января гитлеровцы ворвались сюда в очередной раз, они сожгли последние деревянные дома деревни (ходили с факелами и подставляли их к соломенным крышам). Нашим удалось, в конце концов (хотя и ценой больших потерь), выбить фашистов из деревни, закрепиться здесь и удерживать эти позиции вплоть до февральского (1943 года) наступления Красной Армии на территории Покровского района. В братской могиле, которая сейчас находится в центре деревни Теряевой, спят вечным сном свыше 200 советских солдат и офицеров, павших в «боях местного значения» у этого населённого пункта.

Среди погибших числятся и кавалеристы 5 конного корпуса, так же, как и 1 гвардейская стрелковая дивизия, входившего в состав оперативной войсковой группы генерала Ф.Я.Костенко. Во время наступления на Теряево кавалеристы двигались во втором эшелоне и подошли к деревне уже на следующий день, когда гвардейцы

Руссиянова после 30-часового боя освободили-таки населенный пункт. И тут, на ровном лугу, перед самой рекой Труды, всадники были внезапно атакованы фашистским истребителем, который всего лишь за несколько минут уничтожил и рассеял кавалерийскую часть (свидетелем этого трагического события стал 18-летний теряевский паренёк Семён Гревцев, вскоре и сам ушедший воевать – А.П.). Убитые кавалеристы и их лошади лежали здесь, у самого красивого и живописного места деревни, вплоть до марта 1942 года.

В результате постоянных и регулярных обстрелов почти все дома в Теряевой вскоре были уничтожены или сгорели, и при этом погибли двое самых любопытных и неосторожных мальчишек (большинство во время обстрелов пряталось по подвалам). С началом весны 1942 года тех местных жителей, кто подходил по возрасту, военное командование мобилизовало на фронт, а остальных переселило из прифронтовой полосы поглубже в тыл. Когда весной 1943 года фронт, наконец, отодвинулся дальше на запад, и теряевцы возвратились в родную деревню, то жить им пришлось первое время по подвалам да уцелевшим блиндажам. Правда, в этих местах, по берегам реки Труды, с давних времён добывался для строительства камень – известняк, и потому у теряевцев не было проблем, по крайней мере, с материалами для постройки новых домов. Уже в течение 1943-1944 года было построено (в тех семьях, где имелись хоть какие-то мужчины) несколько примитивных новых сооружений, способных защитить от холодов.

По окончании войны стало ясно, что восстанавливать разрушенные теряевские фермы, конюшни, склады и другие общественные постройки предстоит, в значительной степени, подросткам и женщинам, поскольку очень многие мужчины, ушедшие из Теряевой на фронт, не вернулись обратно к своим родным порогам и пепелищам.

Только однофамильцев и родственников Теряевых не досчитались в деревне 16 человек.

Рядовые Гавриил, Григорий, два Ивана, Михаил, Николай, два Пётра Теряевы пропали без вести в период с июля 1941 по март 1944 года.

Попавший в плен в сентябре 1941 года под Полтавой рядовой 199 стрелкового полка Семён Теряев умер в фашистском концлагере к августу 1942 года.

Умерли от ран в госпиталях красноармейцы Яков и Никита Теряевы (Никиту похоронили в местечке Витц на территории Германии).

Погибли в боях смертью храбрых Иван, Николай, два Пётра и Степан Теряевы.

Порыдали-поголосили в их семьях жёны и дети, получив страшные известия, но жить-то было надо!

Все эти тяжелейшие военные испытания выпали на долю и многодетной (восемь человек детей) семьи Павла и Евдокии Теряевых. Как только фронт стал приближаться к их деревне, начальство отправило Павла Никитича эвакуировать колхозный скот, а уже когда он задание выполнил, мобилизовали Теряева в Красную Армию. Больше своего кормильца жена и дети не увидели: он погиб в 1944 году у местечка Дубки в Белоруссии. Дом же Теряевых сторел при одном из первых артобстрелов деревни, и, помыкавшись некоторое время в собственном подвале (вместе с двумя другими семьями), перебрались Теряевы на другую сторону реки, в соседнюю деревню Князево, где жила родная бабушка – Татьяна Герасимовна Алпатова.

Еды на всю ораву не хватало, вот и приходилось самым взрослым из объединённого семейства искать пропитание по окрестностям. Тогда-то впервые многим детям довелось попробовать варёную конину (несколько раз куски мороженого мяса от реки, где всё ещё лежали убитые во время декабрьского наступления люди и лошади, притаскивали домой хозяйственные пацаны, двоюродные братья Зинаиды Теряевой, которая и рассказала мне совсем недавно об этом: «А мясо в чугушке душистое, вкусное было – до сих пор помнится!»)

Перезимовали здесь кое-как беженцы Теряевы, а потом всех их ещё дальше в тыл отправили – до самой Пензы. Шли пешком и свою новую корову, подаренную нашими солдатами многодетной семье, с собой вели (прежнюю, Зорьку, при обстреле разорвало снарядом). Коровка не только по дороге детей молоком поила, но иногда и на хлеб давала возможность заработать (на проданное молоко лепёшку-другую покупали – тем и питались).

Дошли до пензенской деревни Малая Садовка, два года там прожили, а весной 1944 года в родную деревню Теряеву Теряевы возвратились. Посмотрели – от их дома одни головешки, уже заросшие метровым бурьяном, остались (вообще-то, только один дом во всей деревне и уцелел). Перешли тогда Теряевы на другую, хотя и тоже сожжённую, но с более просторным подвалом, усадьбу, чьи хозяева сгинули в пламени войны, и стали жизнь налаживать.

20-летняя Зина и 16-летний Николай на колхозные работы вместе с матерью начали ходить, а по вечерам и немногим празд-

ничным дням они – уже со всем семейством - камни по деревне и у реки собирали. Брат Николай, как самый старший из мужиков, когда камней оказалось достаточно, приступил к строительству нового дома. И когда он через полгода был готов, Теряевы, наконец-то, переселились из подвала в это новое жилище, похожее, скорее, на их довоенный сарай, но, всё-таки, называвшееся «домом».

После этого началась послевоенная, не менее тяжёлая, но всё-таки мирная пора, прерывавшаяся, к сожалению, иногда взрывами. Дело в том, что вдоль всей деревни, бывшей, как ты помнишь, читатель, прифронтовой полосой, остались многочисленные минные поля. И хотя их с весны 1944 до осени 1948 года обезвреживали местные сапёры-подростки из команды Осовиахима, но кое-где неприятные военные сюрпризы всё ещё оставались.

На пасху 1946 года Евдокия Теряева, как истинно православная, яйца для себя и своих ребятишек покрасила. Малолетний Митя, получив такой красивый подарок, помчался к своему другу Егору, похвастаться. Вместе они потом в поле побежали, поиграть подарками – и подорвались на притаившейся под кустом мины. Кроме них, погибли в тот год сразу трое ребятишек Внуковых и уже почти взрослый парень – Леонид (Зинаида Павловна Теряева не вспомнила его фамилию-А.П.), пытавшийся с помощью мины рыбки наловить.

Отстроилась – с потугами, с кровью – послевоенная деревня. Не только дома, но и общественные постройки в Теряевой возродились – школа начальная, контора колхозная, фермы, конюшни, но зарплату в колхозе не платили, поскольку начальство всё больше на энтузиазм и моральный настрой колхозников уповало.

Зинаида Павловна Теряева, её братья и сестры работали, не покладая рук. Зина, как самая старшая в семье, с утра и по вечерам матери помогала за младшими присматривать. На себя, на личную жизнь времени не хватало. Замуж так и не вышла, хотя сына родила в 1951 году – что делать, и так в жизни бывает. Все свои силы, остававшиеся после дел колхозных, на воспитание сына тратила, но работа тогда, всё-таки, на первом месте была.

Председатели колхоза в Теряевой (а их много сменилось за послевоенные годы) ценили Зинаиду: росточком мала, миниатюрна, симпатична, как Надежда Румянцева, а в своём деле – настоящий Мастер. У кого самые ухоженные свиньи и поросята? У Зинаиды! У кого самый маленький падеж животных? У Зинаиды! У кого самые большие ежедневные и ежемесячные привесы молодняка? Опять у

Зинаиды Теряевой. А почему? Да потому, что дневала и ночевала на ферме, спала, когда массовый опорос шёл, прямо здесь, рядом со свиньями («на досочках», как сказала она мне при разговоре).

Заведующей свинофермой её назначили – и снова впереди всех шла, другие равняться на неё опять стали. В 1960 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Зинаида Павловна Теряева – за большие успехи в развитии животноводства - первой в колхозе «Россия» - была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Получать награду в город Воронеж её повёз первый секретарь Покровского районного комитета Коммунистической партии Анатолий Кузьмич Митяев. В том году в столице Черноземья проходило большое совещание по сельскому хозяйству, которое проводил Никита Сергеевич Хрущёв.

Он сам, лично, и вручал орден Зинаиде Теряевой. Удивился, когда увидел её, такую миниатюрную: «Да ты же девочка ещё! Молодец!» Недолгими были последующие праздничные мероприятия в районе и колхозе по поводу ордена – снова начались длинные трудовые будни заведующей фермой, длившиеся вплоть до её ухода на пенсию в 1979 году.

Нет теперь в деревне Теряевой этой прославленной в былые годы свинофермы, нет и соседней, молочно-товарной, нет овцефермы, птицефермы, конюшен – одни остовы кое-где торчат ещё пока от былых и многочисленных сооружений. Давным-давно нет в деревне клуба и школы. Смолкли и детские голоса в Теряевой.

Теплится пока жизнь в магазине, куда сходятся пару раз в неделю, к привозу хлеба, последние жители (почти сплошь пенсионеры) огромного некогда населённого пункта.

И одна надежда у стариков, что фермер Николай Полянский (он родом из соседней деревни Гремячее), взявший в аренду бывшую колхозную, заброшенную и полуразрушенную, молочно-товарную ферму, не даст полностью умереть покровской деревне Теряевой, затерянной на необъятных российских просторах.

Люди и мельницы (крутящиеся страницы истории)

«Ты на чью мельницу, паразит, воду льёшь?» - именно такими словами один мой хороший знакомый частенько упрекал своих друзей, когда кто-то из них вдруг начинал говорить не то, что моему товарищу казалось единственно правильным. Я долго не задумывался над смыслом этого старинного выражения, но однажды...

Овладевал я тогда, как пользователь, секретами интернета и попала мне на глаза статья о единственной на всё Черноземье, чудом сохранившейся и всё ещё действующей водяной мельнице в деревне Красниково Пристенского района Курской области. Помещена была в том же материале и фотография этой спрятанной в зелени деревьев мельнице, до сих пор производящей настоящую «живую» муку, с которой никакая другая, электрического помола, сравниться не сможет, потому что хлеб из неё невкусным получается.

И вспомнил я тогда о наших, несохранившихся, орловских мельницах. Ведь, что ни говори, десятки и даже сотни их действовало: на каждой большой и малой речке стояли плотины, вода которых, падая, крутила мощные верхнебойные, или, просто вытекаая, вращала нижнебойные (средней мощности) колёса. Без мельниц, как и без самого хлеба, невозможной была бы жизнь орловской деревни XVII – начала XX века.

Когда я изучил внимательно списки населённых пунктов нашего, Покровского, края в 1866 году, то, хоть и привык давно ничему не удивляться, не мог удержаться от этого подзабытого чувства: 116 мельниц насчитывалось тогда в 148 наших деревнях и сёлах.

116! В одном лишь большом селе Верхососенье имелось их целых 35 штук (не только водяных, конечно, но и ветряных – А.П.). На Зиновьевских Постоялых Дворах действовало 11 мельниц, в селе Трудки – 8, в селе Столбецком и деревне Беречка – по семь. В основном, конечно же, мельницы располагались на реках нашего края – Сосне, Липовце, Куначе, а ветряные их создатели предпочитали

ставить на возвышенных местах, на пригорках, где чаще дули ветры.

Жизнь крестьянская, в буквальном смысле, крутилась вокруг мельницы – ведь не будешь же ты немолотое зерно в пищу употреблять, животным, и то – хоть крупного помола, но тоже надо мучицы в корм добавить. В общем, мельницы являлись важнейшей частью деревенского пейзажа, а мельники, с их постоянным доходом – одними из главных и уважаемых персон на селе.

Мельницу старались занять как зажиточные мужики, так и предприимчивые помещики, которые не желали жить только за

счёт получаемого от крестьян оброка. У наших земляков – писателей и, одновременно – землевладельцев – Афанасия Фета и Ивана Тургенева были собственные мельницы. Иван Сергеевич Тургенев топковскую мельницу (тогда – Малоархангельского уезда, сейчас – Покровского района) получил в наследство от умершей матери – Варвары Петровны. В раздельном акте между Николаем и Иваном Сергеевичами Тургеневыми, подписанном братьями в Орловской палате окружного суда в 1855 году, сказано (цитирую):

«Участок И.С. Тургенева составляют следующие имения, земли и души (в Малоархангельском уезде): село Тапки и сельцо Хмелевое, при коих состоят земляные дачи, дачи сел Покровского, Тапки тож, Богоявленского (Верхососенье тож), деревни Ефремовой, пустоши Конопово, Петровская. В селе Тапки водяная мукомольная мельница» (ЦГИА ф. 1463, опись 1 ед.хр. 1201, л.25 об.). Находилась упомянутая мельница на ручье Топкий Ржавец, протекавшем через село и впадавшем затем в реку Сосну. К сожалению, о хозяйственной

Мельничные жернова у районного краеведческого музея

деятельности и судьбе мельницы мне ничего выяснить не удалось, но при продаже Тургеневым топковского имения купцу Ильинскому в 1880 году она в перечне имущества уже не упоминалась.

А вот Афанасий Фет, оказавшийся гораздо более хозяйственным помещиком, нежели его коллега по перу, получив в наследство одно из имений своих родственников Шеншиных, располагавшееся в Ливенском уезде, на берегу реки Тим (неподалёку от деревни Слободка - нынешнего Должанского района – А.П.), немедленно начал приводить в порядок находившуюся там водяную мельницу – крупчатку (предназначавшуюся для помола муки высшего качества – А.П.).

Афанасия Афанасьевича читатели знают, в основном, как тонкого поэта - лирика, но он был ещё и замечательным публицистом, оставившим нам «Заметки о вольнонаёмном труде» и цикл очерков «Из деревни» (в четырёх выпусках). В одном из них (1868 года) он довольно много внимания уделил своей мельнице и строившейся ниже по течению соседской, купца Обручева. Всяческими хитроумными способами этот купец, слывший за знатока мельничного дела, пытался придать своему строящемуся сооружению возможно большую силу, для чего нужно было ему добиться как можно более высокого уровня воды. При этом затрагивались интересы Фета, поскольку чересчур сильно поднявшаяся вода затопила бы колёса его мельницы, и она просто перестала бы работать.

Возникший хозяйственный спор двух помещиков решался очень долго, при помощи мирового посредника и многочисленных свидетелей – мельников. Очевидные доказательства вынудили Обручева пойти на уступки, и он согласился построить для своей мельницы более низкую плотину. Так Фет, в очередной раз, показал свою экономическую состоятельность, а его мельница продолжала приносить ему хотя и не очень большой, но постоянный доход.

Наверняка не меньшей предприимчивостью отличался после ухода в запас и поселившийся в своём родовом доме в селе Покровское, отличившийся в польскую компанию 1831 года, генерал Александр Дмитриевич Оловеников.

В октябре 1857 года «генерал-майор приобрел у сестер Варвары Юрьевны, Елены Юрьевны и Матрены Юрьевны Шушлябиных (в замужестве – Коньковой, Плещеевой и Рудневой) принадлежавшие им части водяной мукомольной мельницы с берегом реки, к ней прилежащим, в селе Покровском, на реке Липовице – за общую сумму в 900 рублей». Части мукомольной мельницы достались сестрам

после смерти их брата - дворянина Сергея Юрьевича Шушлябина, который и владел мельницей, на паях с генерал-майором Оловениковым. Теперь, после завершения выкупной сделки, мельница сделалась единоличным владением генерала. После смерти не имевшего наследников генерала мельница перешла к купцу Беликову. Остатки этой мельницы (части фундамента) до сих пор сохранились и находятся у перехода через реку Липовец, напротив старого покровского кладбища.

Что касается Александра Дмитриевича Оловеникова, то он умер в своем имении в селе Покровское 29 января 1873 года и похоронен был с почетом на местном кладбище. Могила его, как и многих других, была разграблена и разрушена, надгробный камень в 50-е годы XX века положен в основание строившейся фермы. Сейчас эта надгробная плита находится на территории небольшого музейного мемориала по улице Советской, 20. Каждый проходящий сюда может прочитать надпись: «Здесь погребено тело генерал-майора Александра Дмитриевича Оловеникова...».

Все мельницы нашего края, как производственные сооружения, требовавшие постоянного присмотра и ухода, держались их хозяевами в образцовом порядке и, в отличие от помещичьих имений, беспощадно разграбленных в первые же недели революционных событий, успешно пережили смутное время: мука и хлеб нужны были не только эксплуататорским классам, но и пролетариату с крестьянством. Поэтому, к примеру, мельницы купцов Басова и Беликова в селе Покровском, кулака Селезнёва в деревне Теряевой, поменяв владельцев, долго служили потом делу социализма.

Кто-то из бывших хозяев смирился с потерей собственности, уехав из родных мест, а вот такой, как Астахов (персонаж из романа Льва Овалова «Двадцатые годы», прообразом которого стал брат отчима писателя - Ерохин), когда у него отобрали мельницу, просто повесился, не выдержав испытания – смысл жизни для него был потерян.

Были и третьи, такие, как мельник Александр Гордеев из деревни Тетере. Его в начале 30-ых годов XX века, лишив мельницы, отправили в ссылку в Сибирь, как врага Советской власти. Не быв таковым тогда, он им стал, возвратившись в родные места перед самой войной. Поступив на работу в колхоз, - мельником на собственную мельницу, с началом Великой Отечественной войны Гордеев явился к оккупировавшим Покровский район фашистам и предложил им

свои услуги. А в качестве вступительного взноса предатель принёс с собой тетрадь со списком оставленных для ведения партизанской борьбы в тылу врага коммунистов и комсомольцев. Мало этого, он потом вместе с гитлеровцами участвовал ещё и в арестах патриотов, доставляя их в штаб немецкого карательного отряда в деревне Ивановка.

Судьба этого мельника – предателя, вместо зерна перемалывавшего человеческие судьбы, осталась неизвестной покровчанам: при отступлении немцев он ушёл вместе с ними, и больше о нём в нашем крае не слышали.

А вот другой мельник, Павел Заховаев, на ветряной мельнице в посёлке Отрада, наоборот, прятал тех партизан, каких искал фашистский прихвостень Гордеев со своими полициями. Партизаны скрывались под поставами этой заметной в округе мельницы.

А теперь, читатель, настала пора хотя бы немного объяснить устройство мельницы. Оно оставалось практически неизменным сотни лет.

Постав – это главный рабочий орган любой мельницы. Он состоит из двух жерновов – «круглых, обтёсанных (естественных или искусственных) камней, служащих для шелушения плёночных культур и измельчения зерна и других материалов» (цитата из Большой Советской Энциклопедии – А.П.). На рабочих поверхностях жёрнова насекаются бороздки, кромки которых являются режущими органами.

Верхний жёрнов называется бегун, он вращается от вала (веретена), нижний жёрнов – неподвижен. Если у мельницы имеется только одна пара жерновов – это мельница небольшая, маломощная, на одном поставе. Если две пары жерновов – это мельница на двух поставках и т.д.

Под поставами, естественно, имеется пространство, помещение, в которое в специальный ларь или в мешки сыпается полученная при размоле мука. Вот в таком помещении и прятал мельник Заховаев троих знакомых ему подпольщиков. Им, кстати, удалось тогда спастись.

На этот же не действовавший во время войны отрадинский «ветряк» забрался 17 сентября 1942 года 18-летний местный парень Иван Афанасьев. С самой верхотуры он со слезами на глазах наблюдал казнь своего отца, Александра Максимовича, и двух односельчан, обвинённых гитлеровцами в пособничестве партизанам. Так

одна мельница дважды за короткое время стала свидетельницей сначала героических, а потом – трагических событий.

Отступавшие в феврале 1943 года из Покровского района немцы взорвали большинство плотин с мельницами (их потом пришлось строить и восстанавливать заново). А вот «ветряки» гитлеровцы решили напоследок использовать – но совсем не для помола.

Когда атаковавшие деревню Барковка бойцы 137 стрелковой дивизии уже почти совсем было ворвались в населённый пункт, сразу несколько человек, шедших впереди, вдруг рухнули как подкошенные. Да и в самом деле их подкосил – фашистский пулемёт с расположенной неподалёку от деревни ветряной мельницы. Трижды по приказу командира солдаты пытались продолжить наступление, и трижды – с большими потерями – с нашей стороны, атаки захлёбывались. Артиллерию той зимой из-за глубокого снега почти совсем не использовали, но выхода другого здесь не было. Двух снарядов подтащенной на руках «сорокопятки» оказалось достаточно, чтобы сбить верхушку «ветряка» - вместе с немецким пулемётчиком. Как легенду, местные жители мне потом рассказывали, что пулемётчик этот был прикован цепью к стене и к пулемёту, и они цепи на убитом сами видели, когда он у мельницы валялся («точно, смертник был!»).

После освобождения, наряду с восстановлением промышленных и сельскохозяйственных объектов, в Покровском районе стали восстанавливать и мельницы. Но, если с водяными процесс пошёл довольно быстро, то с «ветряками» возникли проблемы, потому что подавляющее их большинство просто сторело, а специалистов для постройки таких мельниц «с нуля» осталось очень немного. Поэтому ограничились ремонтом тех «ветряков», которые просто пострадали, но ещё подлежали восстановлению. Покровская районная газета в 1947 году сообщила, например, о вводе в строй ветряной мельницы в колхозе «Факел революции» (деревня Толстое).

Последний «ветряк» на Покровской земле был разобран на дрова в конце 50-ых годов XX века. Как в других районах – сказать точно не могу, но читал в областных изданиях о ветряной мельнице из Дмитровского района, которая была цела ещё в 70-ые годы, и её вроде бы собирались сохранить как музейный экспонат, но это так и осталось лишь благими намерениями (в отличие от Курска, где на территории областного краеведческого музея уже много лет стоит ветряная мельница-шатровка, перевезённая из села Гостомля Медвенского района, получается, курыне и тут нас обошли - А.П.)

Водяные мельницы в нашем крае просуществовали не намного дольше, поскольку с появлением электричества необходимость в водяных и ветряных двигателях отпала, казалось, навсегда. Правда, в селе Покровское плотины для небольших, местного значения электростанций, соорудили как раз там, где находились старые мельницы купцов Беликова и Басова. Первая электростанция просуществовала пару лет перед войной, а вторая, построенная вскоре после освобождения, – дольше, уже до проведения стационарных электрических линий в Покровском районе.

И от «ветряков», и от водяных мельниц в наших краях остались многочисленные напоминания в виде жерновов, разбросанных по ещё существующим и уже исчезнувшим деревням – там, где когда-то и стояли ушедшие в историю мельницы.

Несколько таких жерновов, когда создавался районный краеведческий музей, мы привезли на музейный двор из тех мест – Липовца, Зиновьевки, Верхососенья. И стоят они сейчас, как настоящие памятники материальной культуры наших предков, стоят, как напоминание о том, что было.

Ну а о том, что будет?

В наше время постоянного удорожания электрической энергии и тепловых носителей, поставляемых потребителям фактическими (в отличие от заверений А.Чубайса) монополистами, мне кажется, что нас, особенно тех, кто проживает в сельской местности, власти упрямо подталкивают к тому, с чего всё и начиналось – к использованию энергии ветра и воды в масштабах каждого отдельного поселения.

И появятся на необъятных российских просторах в ближайшем будущем усовершенствованные «ветряки», а, может быть, и компактные гидроэлектростанции (естественно, с мельницами при них).

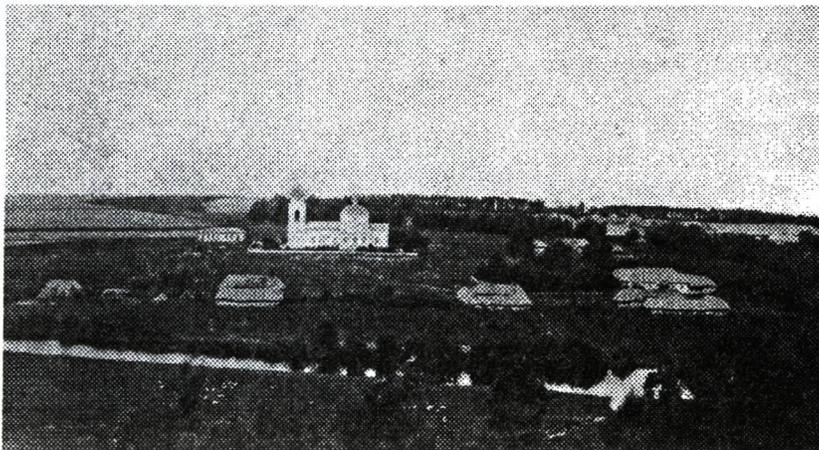
И жизнь снова закрутится – но гораздо веселее. Как думаешь, возможен такой вариант, читатель?

Возвращение Покровской церкви

В православном календаре русского народа перечислено много разных праздников, но среди них, конечно же, есть наиболее значимые и любимые простыми людьми. Покров Пресвятой Богородицы – один из таких. Именно поэтому храмов, посвящённых празднику Покрова, всегда было на Руси великое множество. Часть из них сохранилась до настоящего времени. Кто из россиян не слышал, к примеру, о церкви Покрова – на – Нерли или соборе Василия Блаженного?

Да практически в каждом большом и даже малом русском городе, начиная с XII века, имелась Покровская церковь.

Не стали исключением из правил, в этом смысле, и наш губернский город Орёл, да и сама Орловская губерния в целом. Уже во второй половине XVII века, на правом берегу Оки, приблизительно на месте современного Центрального универмага, появилась деревянная церковь Покрова Богородицы, которая в 1749 году была перестроена в каменную. Церковь благополучно действовала до 30-ых годов XX века.

*Вид на Покровскую церковь села Покровское
(Фото 1908 года)*

Наряду с этим храмом большой популярностью в Орле пользовалась Покровская (Черниговского полка) военная церковь, построенная в 1899 году для расквартированного в Орле 51-ого Черниговского драгунского полка и пользовавшаяся покровительством великого князя Сергея Александровича и его жены, великой княгини Елизаветы Фёдоровны. Оба храма были уничтожены при Советской власти, так что в настоящее время в Орле нет ни одной Покровской церкви. Такая же участь постигла и многие сельские храмы Орловщины, носившие имя Покрова Пресвятой Богородицы. Правда, некоторые церкви всё же уцелели.

В книге «Архитектурные древности Орловщины», выпущенной издательством «Вешние воды» в 1998 году, её авторы, В.М.Ромашов и В.М.Неделин, перечислили более десятка сохранившихся (в разной степени) в нашей области Покровских церквей. Одна из них, находящаяся в селе Клейменово (Орловского района), хорошо известна многим орловчанам потому, что в усыпальнице под этим храмом похоронены были замечательный русский поэт Афанасий Афанасьевич Фет и его жена Мария Петровна.

На территории современного Покровского района к 1 января 1917 года существовало 22 церкви, 19 из которых за первые три десятилетия Советской власти были разрушены полностью (в том числе и два Покровских храма – в селе Топки и в теперешнем райцентре). Изучая почти 30 лет историю родного края, я пытался все эти годы

Новая Покровская церковь

выяснить у старожилов, сохранилась ли у кого-либо из них фотография уничтоженной в селе Покровское церкви? Многие из покровчан рассказывали подробности о внешнем облике храма Покрова, описывали его величественный, по их словам, облик, но целостной картины не получалось.

Закончился век двадцатый, шёл вовсю уже двадцать первый, а фотография так и не находилась. Я, честно говоря, совсем перестал надеяться на удачу, потому что ни один из старожилов не смог хотя бы даже вспомнить о тех, кто занимался фотографией в селе Покровское или окрестностях. Но, как часто бывает в жизни, на помощь мне пришёл «Его Величество случай».

Зимой 2008 года я гостил в Москве у ветерана МВД, подполковника запаса, А.И.Валицкого, отец которого – уроженец села Успенское Покровского района. Александр Иванович рассказал мне, что он давно дружит с Ольгой Леонидовной Столяровой, замечательной женщиной, тоже родившейся в Покровском районе. К сожалению, время моего пребывания в Москве было ограничено, и я не смог тогда встретиться и побеседовать с нею лично. Но телефонный разговор у нас состоялся, и закончился он неожиданным известием для меня: «А знаете, Александр Михайлович, у меня имеется фотография церкви села Покровское». Ольга Леонидовна сообщила это буднично, а я чуть не подпрыгнул от радости: неужели, неужели?

Уехал я домой и с нетерпением ждал несколько долгих недель, когда, наконец-то, от О.Л.Столяровой пришли фотокопии, сделанные ею со старого альбома, и подробное письмо, дополнившее изобразительный ряд живым описанием того, что имелось на фотографиях. Фотографий было четыре, и среди них – та, которую я так долго искал (всмотрись, читатель, в этот пахнувший столетней историей снимок – А.П.).

А теперь - рассказ о том, как это фото оказалось у моей новой знакомой. История, я думаю, достойна того, чтобы читатель познакомился с ней подробно.

Итак, в самом начале XX века жили-были в волостном селе Покровское (Малоархангельского уезда Орловской губернии) две семьи - Столяровых и Троицких.

Столяровы, зажиточные крестьяне, жили на взгорке, при самом въезде в село Покровское со стороны Змиёвки. Занимались они выращиванием зерна, капусты и гусей – на продажу. Основатель династии, Егор Осипович, содержал также небольшой трактир и

постоялый двор. Один из его сыновей на пологом склоне, спускавшемся к реке Липовец, разбил замечательный сад, яблоки и вишни из которого возил на ярмарки в Малоархангельск и Орёл. Неподдалёку от усадьбы Столяровых, в овражке, начинался ручей, воду которого можно было использовать как для питья, так и в хозяйственных целях. И сам этот тягучий подъём, и место вскоре стали назваться - «У Столяровых» или «Столярова гора». Когда семья заметно увеличилась численно, один из братьев, переселился в ближнюю деревеньку – Разуваевку, построив в ней дом тоже на окраине, смежной по отношению к селу Покровскому (в Разуваевке-то и родилась в 1923 году Ольга Столярова – А.П.)

В семье Егора Столярова было пятеро детей – сыновья Александр, Владимир, Константин, Леонид и дочь Евгения. По словам Ольги Леонидовны, дед Егор отличался крутым нравом и за какую-то провинность старшего сына Александра выгнал из дома, лишив доли наследства. Александр Егорович обосновался потом где-то в Подмосковье. Владимир Егорович Столяров погиб в Первую Мировую войну. Константин Егорович и Евгения Егоровна после революции уехали в Ленинград, где и умерли от голода в блокаду. Что касается судьбы младшего из сыновей, Леонида Егоровича, отца Ольги Леонидовны Столяровой, то, прежде чем перейти к рассказу о нём, скажу несколько слов о Троицких, землевладельцах из Покровского.

На ещё более крутом взгорке, но уже на правом берегу реки Липовец, располагалась в начале XX века усадьба, в центре которой находился небольшой, аккуратный, красного кирпича, дом. В нём жила семья местного помещика В.З. Троицкого, которому принадлежало около 60 десятин земли в окрестностях Покровского. Старшие Столяровы и Троицкие дружили (семьями, как сказали бы сейчас). Глава семейства Троицких, Василий Зиновьевич, кроме обычных помещичьих занятий, увлекался и таким, сравнительно новым в те годы, видом деятельности, как фотография. Он запечатлел на фотобумагу своё семейство, усадьбу, семьи знакомых (к числу которых относились, конечно же, Столяровы) и – виды нашей местности. За годы увлечения фотографией у В.З. Троицкого накопился целый альбом снимков, бережно хранившийся и передававшийся по наследству (пока было, кому передавать).

А теперь вернёмся к Леониду Егоровичу Столярову, отцу Ольги Леонидовны. Закончив в Покровском церковно-приходскую школу

Во время освящения Покровской церкви

и поработав некоторое время в отцовском хозяйстве, обучался он потом в Орловской духовной семинарии, из которой его исключили за недисциплинированность. И тогда Леонид Столяров круто поменял свою судьбу, поступив в Никулино-Городищенскую (за точное название школы не ручаюсь, потому что проверить это с помощью других источников мне не удалось – А.П.) спиртовую школу, только-только открывшуюся в Орле. Вышел он из неё с удостоверением механика по налаживанию и ремонту оборудования на винокуренных заводах (так довольно долго назывались предприятия, которые сейчас известны как спиртовые или ликёроводочные). Работал Столяров первое время на винокуренном заводе в Карачеве, а затем переехал поближе к семье, в деревню Разуваевку, а потом - в посёлок Моховое Малоархангельского уезда, где с 1906 года начал действовать местный спиртзавод помещика Кистенёва.

В родные места Леонид Столяров приехал с женой, которую нашёл себе, работая в городе Карачеве. У Леонида Егоровича и уроженки Брянска Марии Ивановны Климовой родилось трое детей – сын Сергей и дочери Елена и Ольга.

20 лет - с 1907 по 1927 год - отработал Леонид Столяров в Моховом механиком, наладив работу предприятия как хорошие швейцарские часы. Завод благополучно пережил обе революции, сбежавшего Кистенёва, национализацию и исправно, (правда, нелегально) снабжал окрестные деревни и сёла высокоградусным продуктом все 20-ые и 30-ые годы XX века – вплоть до начала Великой Отечественной войны.

Уже к 1925 году объёмы производимого в Моховом спирта заметно выросли. Этому способствовали технические новинки, которые механик Столяров внедрял на производстве. Но во второй половине 20-ых годов XX века, в условиях разворачивавшейся компании по ликвидации кулачества как класса, Леонид Егорович, происходивший из зажиточной крестьянской семьи, в которой уже начались аресты и, опасаясь за свою участь, покинул родные места. Вместе с женой и детьми он переехал в Гаврилово-Посадский район Ивановской области, где устроился работать на спиртзавод в посёлке Петровском.

Здесь выпускался спирт высочайшего качества, который использовался в авиационной промышленности. Технолог Леонид Столяров за короткое время сумел завоевать высокий авторитет как профессионал высочайшего уровня. Умер он в 1967 году, в возрасте 85 лет. Похоронили его там же, в посёлке Петровском.

В живых из семейства Л.Е.Столярова к настоящему времени осталась лишь Ольга Леонидовна. Она участвовала в Великой Отечественной войне, воевала как зенитчица, защищая Москву от налётов немецких самолётов. Сейчас ей самой уже 85, и живёт Ольга Леонидовна одиноко в столице, общаясь лишь с несколькими преданными друзьями, тоже родовыми корнями связанными с Орловщиной.

Судьба однажды свела её в Москве с сыном Василия Зиновьевича Троицкого, Леонидом, который от отца позаимствовал любовь к технике (правда, не к фотографии, а к радио). Отслужив и отвоёвав в качестве радиста несколько лет, он работал во всесоюзном журнале «Радио». Леонид Троицкий рассказал землячке, что сразу после революции и разгрома их скромного имения местными крестьянами, вся семья, спасая свои жизни, уехала подальше от тех мест, где их знали. Обосновались в Подмоскovie, где в 1939 году и умер Василий Зиновьевич Троицкий. Вспомнив былое, встречались потом земляки не раз за общим столом, вели долгие неспешные беседы.

Когда в 1966 году Леонид Васильевич Троицкий умер, а наследников у него не осталось, достался Ольге Леонидовне Столяровой семейный альбом семьи Троицких, в котором содержались ценнейшие для нас, покровчан, фотографии.

Так получилось, что мои долголетние и, наконец, увенчавшиеся успехом поиски фотографии с видом Покровской церкви завершились ровно через 100 лет после того, как фотограф-любитель Василий Троицкий сделал несколько снимков с видами села Покровского прямо от ступенек своего дома, расположенного на крутом, обрывистом берегу реки Липовец.

Однокупольная, с отдельной колокольней, Покровская церковь действительно выглядела солидно.

Вокруг неё была красивая решётка – кованая, вмонтированная в красивые кирпичные столбики. В левом углу, внутри церковной ограды (если смотреть из-за реки Липовец) находился красивый, тоже металлический, склеп, спускаться в который приходилось по ступенькам. В своё время в подобный склеп спускались многие из старожилов, с кем я разговаривал.

С левой стороны от церкви, но уже за пределами церковной ограды, располагалась церковно-приходская школа, которая при Советской власти действовала как начальная (школа I ступени).

Закрытая в начале 30-ых годов XX века, Покровская церковь недолгое время, до Великой Отечественной войны, использовалась

как учреждение культуры: в помещении колокольни находился кинозал, в зале было фойе, в алтарной части – библиотека. Устраивались в церкви танцы под баян и просмотры кинофильмов. Один из главных входов вёл точно на кладбище. Внутри церкви икон и какой-либо утвари не осталось, но фрески на стенах и куполе сохранялись.

При отступлении в конце ноября 1941 года советских войск с территории Покровского района специально созданная команда взорвала здания всех районных учреждений и организаций, чтобы ими не смогли воспользоваться немцы. Были уничтожены Дом Советов, военкомат, дома руководителей района. Тогда же была взорвана и Покровская церковь, битый кирпич от которой уже после освобождения понемногу разобрали на свои нужды местные жители.

70 с лишним лет верующие покровчане, для совершения всех православных обрядов, вынуждены были ездить в храмы соседних районов. В октябре 2005 года, после шестилетнего строительства, усилиями местных властей, многих простых граждан и меценатов, возродилась, воскресла церковь Покрова Пресвятой Богородицы.

Когда же, в 2008 году, удалось мне обнаружить фотографию старого Покровского храма, выяснилась интересная особенность: не знали, не видели проектанты нового здания этого снимка – и удивительным образом воссоздали новую церковь очень похожей на ту, старинную.

Божий промысел, наверное? Как и возвращение облика прежней Покровской церкви из небытия ровно 100 лет спустя.

Использованная литература

- Барабанова А.И., Ямщикова Е.А. «Народовольцы в Петербурге». Лениздат, 1984.
- Большая Советская Энциклопедия, т.18. Москва, 1988.
- История Орловского края, ч.1. Орёл, 2004.
- Катанов В.М., Польшинкин А.М. «Покровский край». Орёл, 2001.
- Мацук М.А. «Город Ливны и Ливенский уезд в 1615 году (ч.1 и ч.2)». Сыктывкар, 2001.
- Мацук М.А. «Город Ливны и Ливенский уезд в 1615 году (ч.3)». Сыктывкар, 2002.
- «Народная Воля» и «Чёрный Передел». Воспоминания участников революционного движения в Санкт-Петербурге в 1879-1882 г.г. Лениздат, 1989.
- «Орловские губернские ведомости», 1852 г., октября, 25.
- Памятная книжка и адрес-календарь Орловской губернии на 1893 год. Орёл, 1892.
- « 1 марта 1881 г. Казнь императора Александра I». Документы и воспоминания. Лениздат, 1991.
- Переписка И.С.Тургенева (в двух томах). Т 1. Москва, 1986.
- Пясецкий Г.М. «Исторические очерки города Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении» (репринтное издание). Орёл, 1999.
- «Революционеры 1870-ых годов». Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Лениздат, 1986.
- Ромм А.Г. «Борис Иванович Орловский. 1793-1837». М-Л, «Искусство», 1947.
- Сборник биографий кавалергардов (1826-1908). С-П, 1908.
- Советский энциклопедический словарь. Москва, 1988.
- Список населённых мест Российской империи по сведениям 1866 г. Т.21. Орловская губерния.СПБ, 1871.
- Таракановский Г.Г. «Скульптор Б.И.Орловский». Тула, 1986.
- Тургенев И.С. «Полное собрание сочинений и писем в 28 томах». Т.т. IX и XIII(2). М-Л, «Наука», 1965.

Чернов Н.М. «Спасско-Лутовиновская хроника». Спасское, 1999.
Шурыгин Я.И. «Борис Иванович Орловский. 1792-1837». Л-М,
«Искусство», 1962.

Государственный Архив Орловской области:

Ф.760, оп.1, д. 378; ф. 744. Оп.1, ед.хр.4; ф.68, д.49; ф. 65, д.9; ф.101,
оп.1., ед.хр. 1966.

Содержание

Первые жители нашего края	3
Борис Орловский и его Ангел	9
Мухортовы (несколько фактов из жизни одного помещичьего семейства)	15
Оловенниковы: история рода и одной семьи	23
«Ангел мести» Александр Баранников (портрет террориста)	36
Как помещица Лаврениус своё наследство поделаила	43
Мацневы – соседи Лутовиновых и Тургеневых	47
Рассказ об Иване Ивановиче и Варваре Петровне	52
О писателе Тургеневе, нигилисте Базарове и одном малоизвестном персонаже.....	56
Пруд помещика Акатова (по ком звонил «Колокол»).....	62
Дмитрий Чиркин – герой Отечественной войны.....	67
Как один помещик крепостную крестьянку полюбил	70
О дворянах Извековых и деревне Извековой	74
Землевладельцы нашего края в 1908 году.....	76
Солдат I Мировой (воспоминания о Павле Амелине)	79
Лисичкины (герои Льва Овалова в романе и в жизни).....	83
Путь к герою и путь героя	88
Деревня, затерянная в России	91
Люди и мельницы (крутящиеся страницы истории)	98
Возвращение Покровской церкви.....	105
Использованная литература	113

Литературно-художественное издание

Полынкин Александр Михайлович

Грустен и весел вхожу...

Серия «Орловская старина» основана
Издателем Александром Воробьёвым
в 2008 году

В оформлении обложки использована картина художника
Г. Пищалова «Покровская деревня XIX века».
Фотографии - из архивов, А. М. Полынкина и С. В. Антонова.

Издатель Александр Воробьёв
Лицензия ИД № 00283 от 1 октября 1999 г.,
выдана Министерством Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

Подписано в печать 11.05.2009 г. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,74.
Тираж 500 экз. Заказ № 045.

Отпечатано на полиграфической базе
Издателя Александра Воробьёва: г. Орел, пер. Новосильский, 1.
Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48, 55-47-01.
E-mail: orlik_id@orel.ru www.orlik-id.orel.ru

[60-20]

ИЗДАТЕЛЬ
AV
АЛЕКСАНДР ВОРОБЬЕВ